

ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ПОГОДИНА.

Одесса,

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

ИСТОЧНИКИ

для

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

сочиненіе

М. Погодина.

ОДЕССА,

въ городской типографіи.

1848.

(Изъ 2-го тома Записокъ Исторіи и Древностей).

ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЛѢТОПИСИ.

I.

Какіе источники есть у насъ для удѣльнаго періода отъ 1054 до 1224 года?

Этотъ періодъ въ «разнообразіи» источниковъ уступаетъ первому: иностранцевъ, современниковъ и очевидцевъ, какихъ много мы могли указать въ періодѣ Норманскомъ, почти нѣтъ. Нѣсколько извѣстій объ Изяславѣ и Святославѣ у Ламберта Ашаффенбургскаго и Зигберта Гемблурскаго, нѣсколько извѣстій о бракахъ и т. п., письмо Григорія VII къ Болеславу — вотъ все, что намъ осталось.

За то домашніе источники становятся обильнѣе, и вмѣстѣ достовѣрнѣе:

Лѣтописи — Несторова, Кіевская, Волынская, Суздальская, Новогородская, житія Святыхъ, грамоты, сказанія.

Будемъ говорить о каждомъ источникѣ порознь.

Начинаемъ съ лѣтописей.

Разсматривая внимательно лѣтописи, мы видимъ, что онѣ «писаны современниками изъ года въ годъ». Вѣрнѣе сказать: происшествія записывались.

Возьмемъ для примѣра какой нибудь годъ:

1141. «Приведена бысть дщи Всеволожа въ Ляхы. *Въ тоже лѣто* поставиша епископа Переяславлю именемъ Еуѳимья. *Сего же лѣта* преставися у Галичи Васильковичь Иванъ, и прія волость его Володимерко Володаревичь, сѣде во обою волостью княжа въ Галичи. *Сего же лѣта* слышавше Новгородци, оже прiялъ Всеволодъ братью ихъ, и не стерпяче безъ князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже, и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша, Новгородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца; и про то разгнѣвася Всеволодъ, зая Городецъ Въстрьскый. Бѣжащю же Святославу изъ Новагорода, идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу ему и рече: «брате! пойди сѣмо»; Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба, и неуладися съ нимъ о волостехъ, иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣгородѣ сѣдя Сѣверьскѣ. *Въ тоже время* Всеволодъ, разлучивая съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлъгородъ. *Тое же зимы* преставися благовѣрный князь Андрей Володимеричь у Переяславли, мѣсяца Генваря въ 23 день, а въ 23 похороненъ бысть у святаго Михаила; егдаже несяхуть и́ къ гробу, предивно знаменіе бысть на небеси: быша три солнца съяюче межи собою, а столпи тріе стояще отъ земля до небеси, и надо всими горѣ бяше яко дуга мѣсяцъ, особь стояче — и стояша знаменія та доньдеже похорониша и́. *Въ тоже время* поима Всеволодъ городы Гюргевѣ, конѣ, скотъ, овцѣ, и кдѣ чьто чюя товаръ. *Въ тоже лѣто* ходи Игорь къ Чернигову на Давыдовича, и сътвориста миръ. *Въ сеже лѣто* преставися Всеволодъ Городеньскій. *Въ тоже лѣто* посла Изяславъ къ сестрѣ своей рече: «испроси ны у зяте Новгородъ Великый брату своему Святополку; онаже тако створи»[1].

Спрашивается: можно ли всѣ эти разнообразныя происшествія упомнить и записать спустя долгое время? Самое расположеніе, ходъ рѣчи, (въ «*се*» же лѣто, въ «*то*» же лѣто и пр.), показываютъ, что онѣ вносились немедленно по совершеніи.

1111 г. «И поидоша въ 2 недѣлю поста, а въ *пятокъ* быша на Сулѣ; въ *суботу* поидоша и быша на Хоролѣ, ту и сани пометаша; *а въ недѣлю* (воскресенье) поидоша, въ нюже хрестъ цѣлують, и приидоша на Пслъ, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ и ту пождаша вои, и оттудѣ доидоша Върьскла, туже *завътра*, въ среду, хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ, со многими слезами; и оттудѣ прейдоша многи рѣки въ 6 недѣлю поста

[1] Лѣт. по Ипатьевскому списку, въ «Полномъ собраніи Русскихъ Лѣтописей». СПб., 1843. т. II, с. 17.

и придоша къ Донови *въ вторникъ*..... и *завътра, въ среду*, поидоша въ Сугрову.... а *въ четвергъ* поидоша съ Дона, а *въ пятницю* завътра, мѣсяца Марта въ 24 день, собрашася Половци.... (произошло сраженіе)..... и поможе Богъ Русскымъ княземъ..... и заутра *Суботѣ* наставшѣ праздноваша Лазарево Въскресенье и Благовѣщенья день, и похваливше Бога проводиша суботу, и въ *недѣлю* пріидоша. Наставшю же *понедѣльнику* страстныя недѣли и пр. Якоже и се съ Божьею помощью, молитвами Св. Богородица и святыхъ Ангелъ възвратишася Русьстіи князи въ своясн..... на славу Богу, всегда и нына и присно во вѣки аминь. Тогоже лѣта преставися княгини Всеволожая».....

Ясно, что лѣтописатель описавъ по днямъ походъ на Половцевъ и остановился, а потомъ внесъ новое происшествіе [2].

Годы 1146, 1147, 1148, 1149, 1150, 1151, 1152 и пр., заключающіе по сотнѣ мелкихъ происшествій со множествомъ переходовъ князей съ мѣста на мѣсто и безпрестанною перемѣною ихъ отношеній, не могли быть описаны на память [3].

Иногда означается не только день происшествія, но и часъ:

1158. «Бысть же преставленіе ея (супруги Ярополка Святополковича) мѣсяца Генваря въ 3 день, *а въ часъ 2 нощи*, а въ 4 вложена въ гробъ» [4].

1177. «Преставися Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ суботу, *заходящю солнцю* Іюня мѣсяца въ 20 день, на память и пр. [5].

1190. «Тогоже лѣта у Великаго князя Всеволода родися сынъ *до заутренья* святаго Дмитрѣя дне, и аменинныже тогда бяхуть; Всеволодъ же велѣ учинити сынови своему во свое имя Димитрѣй» [6].

Для внимательнаго и опытнаго глаза есть и особыя примѣты такого немедленнаго записыванья, напр.

1116. «Володимеръ вея Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву. *Томъ же лѣтѣ* преставися Глѣбъ въ Кіевѣ Всеславичь, Сентября въ 13».

Если бы происшествія не записывались немедленно, то эти два извѣстія не были бы раздѣлены повтореніемъ выраженія: «томъ-же лѣтѣ».

Итакъ происшествія записывались немедленно — вотъ наше первое положительное заключеніе.

---

[2] Ип. сп. с. 2. [3] См. лѣтопись по Ип. списку. [4] Тамъ же, с. 82. [5] Лѣт. по Лавр. сп. с. 161. [6] С. 172.

Продолжаемъ разсматриваніе лѣтописей.

Есть ли въ нихъ промежутки между годами, то есть, есть ли годы неописанные?

Нѣтъ.

Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ; слѣдовательно было возлагаемо всегда на извѣстное лице, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было некому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро. Слѣдовательно лѣтописи наши имѣли «характеръ оффиціальный».

Вотъ второе заключеніе, выводимое нами изъ разсматриванія лѣтописей.

Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ?

Есть. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но безъ сомнѣнія могутъ быть отнесены и къ древности.

Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ считаю я слѣдующее. Лѣтописецъ описавъ подъ 1409 годомъ нашествіе Едигеево на Москву, прибавляетъ:

«И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже толико отъ случавшихся въ нашей землі не сладостная намъ и неуласканная изглаголавшимъ, но взустительная и к ползе обрѣтающаяся, и возставляющая на благая и незабытная; мы бо не досажающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ таковая вчинихомъ, якоже-бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Киевскаго, иже вся временна бытства (*) земская необинуяся показуетъ, *но и первиі наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати*, да и прочиі по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасе онаго великаго Селиверстра Выдобычскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилѣжно, да почетъ почнеши — .... мы же симъ учащеся таковая вся прилучившаяся во дни наша непроминухомъ *властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ*, да таковымъ вещемъ разсуженіе разсудно да разсуждаютъ, и лучшая и благая да избираютъ, юнииже старцовъ да почитаютъ, и сами едины безъ искуснѣйшихъ старцовъ всякого земского правления да несамочинствуютъ. Красота убо граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сединами сущихъ; есть же и старость не многолѣтна а честна по Соломану, седина бо есть, рече, мудрость человѣкомъ і возрастъ старости житие нескверно»[7].

(*) Положимъ слово это не совсѣмъ хорошо, но неужели варварскій фактъ лучше?

[7] Лѣт. по Никонову. списку V, с. 28, 29.

И такъ лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. «Вся добрая и недобрая прилучившаяся» приказывали они записывать. «Подражая старшимъ нашимъ предшественникамъ», говоритъ лѣтописецъ, «мы описываемъ все по правдѣ, предъ очами нашихъ князей, прилежно намъ внимающихъ».

Послѣ этого свидѣтельства о XII вѣкѣ (Мономахъ † 1125) находимъ въ XIII столѣтіи слѣдующее показаніе, которое можетъ быть и не относится сюда-же:

Мстиславъ Васильевичъ въ грамотѣ своей говоритъ:

«А вписалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ [8] (жителей Берестья).

1241. Куриловн же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ (Романовичемъ Галицкимъ) исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю» [9].

Кстати приведемъ здѣсь слѣдующее мѣсто, изъ коего видно, что лѣтописи представлялись князьямъ:

1200. Лѣтописецъ, описавъ построеніе каменной стѣны подъ Выдубецкою церковію, обращается къ самому строителю В. К. Рюрику Ростиславичу:

О христѣ державно милосердуя о всѣхъ, *по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе пріими,* акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелій: въ газъфулакію бо княженія твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица она двѣ мѣдницѣ, прочее на милость твою надѣющеся слову ятися о Господѣ дерзаемъ. И тоже не отъ скудости нашего нищетоумья, но отъ дѣлъ твоихъ притчю пріобрѣтше, глаголемъ» и пр.

Изъ начала XV вѣка мы имѣемъ свидѣтельства объ оффиціальномъ такъ сказать употребленіи лѣтописей:

1432 г., на судѣ предъ Ханомъ:

«Князь великій Василій Васильевичъ по отечеству и по деденству искаше стола своего князь же Юрій Дмитреевичь, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовную отца своего» [10]. . . . .

1471 г. Иванъ Васильевичъ, отправляясь въ походъ противъ Новгородцевъ:

---

[8] С. 225. [9] Лѣт. Вол. по Ип. сп. с. 179. [10] с. 110.

«Испроси у матери своей, у великой княгини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго воротити лѣтописцемъ Русскимъ: егда, рече, пріидутъ и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны давные, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ»[11].

Наконецъ изъ описи царскаго архива (1575—1584) видно, что въ ящикѣ 224 находилось:

«А въ немъ списки, *что писати въ лѣтописецъ*, лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 (1560) до лѣта 7074 (1566) и до 76»[12].

И такъ лѣтописи наши оффиціальны, что касается до наружнаго ихъ происхожденія.

Съ котораго времени начинается ихъ такой оффиціальный характеръ. Откуда произошелъ такой обычай?

Начало этого обычая, ведущагося безпрерывно въ продолженіи нашего періода, современно, думаю, первымъ князьямъ, которые принесли его, разумѣется, изъ своей родины.

Вспомнимъ, что мы прежде говорили о необходимости записокъ до Нестора[13]. Безъ всякаго сомнѣнія онѣ продолжались при немъ, послѣ него, и до позднѣйшихъ временъ, служа главнымъ матеріаломъ для лѣтописателей.

Имъ-то собственно и принадлежитъ оффиціальное достоинство въ составѣ лѣтописей.

Лѣтописатели жили въ монастыряхъ, а записки велись при князьяхъ, даже въ походахъ, что ясно видно изъ описанія вышеприведенныхъ лѣтъ 1147 и прочихъ.

На кого возлагалось князьями веденіе записокъ, не могу сказать рѣшительно а укажу только, что свидѣтельство о «дьякахъ княжихъ» мы находимъ уже въ XII вѣкѣ.

1169. «И пріѣха Мьстиславъ у Печерьскій манастырь, и за нимъ Володимиръ пріѣха, и повелѣ ему съсѣсти въ икономли кельи, а самъ съсѣде въ игумени кельи; и посла въ къ нему Мьстиславъ и рече: «брате! что дѣля еси пріѣхалъ? а язъ по тя не посылалъ».

---

[11] Соф. временникъ, т. II, с. 102. [12] Акты. Арх. Комм., т. I, стр. 354. [13] См. Изслѣдованія мои, т. I, с. 91.

И присла Володимиръ *дьячка Имормыжа*, рече: «брате! слышалъ есмь оже суть молвили на мя злыи человѣци».

Подъ 1213 г. упоминается «Василь дьякъ, рекомый Молза».

Записки не прерывались, а между лѣтописателями бывали промежутки. Вотъ почему одни годы описаны подробно, другіе кратко. Послѣдніе принадлежали запискамъ, коихъ, почему бы то ни было, не могли распространять лѣтописатели, не зная, что объ нихъ сказать болѣе[14].

Теперь будемъ говорить о внутреннемъ достоинствѣ лѣтописей: онѣ «вѣрны». Что̀ записывалось, то записывалось какъ было, кратко, просто, ясно, безъ украшеній, безъ мудрствованій лукавыхъ, безъ разсужденій, развѣ благочестивыхъ, принадлежащихъ уже къ лѣтописателямъ. До самаго XVI вѣка вы не найдете пяти показаній невѣрныхъ или умышленныхъ, и въ этомъ драгоцѣнномъ свойствѣ состоитъ ихъ отличіе отъ Западныхъ Хроникъ, наполненныхъ сказками.

Они «безпристрастны», и совершенно одинаковымъ тономъ разсказываютъ похвальныя дѣйствія своихъ князей, какъ и поносныя, не стараясь никогда ни оправдывать никого, ни обвинять: разсмотрите сказаніе ихъ объ Изяславѣ, или Всеволодѣ, или Боголюбскомъ — чистая правда, однѣ дѣла! Точно то-же должно сказать объ нихъ и въ отношеніи къ иностранцамъ: какъ прославляютъ они, напримѣръ, Крестоносцевъ, положившихъ животъ свой для освобожденія Гроба Господня[15]!.

Они «благородны», совершенно независимы, и учатъ князей наравнѣ съ простолюдинами:

«Да мы-же симъ учащеся таковая вся прилучившаяся во дни наша не преминухомъ властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ, и прилежно внимающихъ, да таковымъ вещамъ разсуженіе разсудно да разсужаютъ, и лучшая и благая да избираютъ, юнии же старцовъ, да почитаютъ и сами едины безъ искуснѣйшихъ старцовъ всякого земскаго правленія да несамочинствуютъ[16]».

Вотъ какъ случается говорить и объ архіереяхъ:

---

[14] Выраженія «до сего дне, кгдѣ нынѣ» и тому подобное принадлежатъ лѣтописателямъ или переписчикамъ, напр. годъ 1115.... «Поставиши я (мощи св. Бориса и Глѣба) въ комору на десной странѣ, кдѣ нынѣ лежита». Въ современныхъ запискахъ такихъ выраженій разумѣется быть не могло.

[15] Лѣт. по Ип. сп., с. 139. [16] Лѣт. по Никон. списку, с. 28.

1169 «Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица Володимерьская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго льстеца; лжаго владыку Феодорца, изъ Володимеря отъ Святыя Богородиця церкве Златоверхыя, и отъ вся земли Ростовскія. Сеже списахомъ, да не паскакаютъ нѣціи на святительскій санъ, но его-же позоветъ Богъ»[17].

Убіеніе народомъ Игоря Всеволодовича описываютъ слѣдующимъ образомъ:

1147. «Оциже устремишась нань, яко звѣрье свѣрьпіи..... лукавый нечестивый сборъ».

Лѣтописатели наши «благочестивы»: всѣ успѣхи, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ помощи Божіей и принадлежатъ молитвамъ угодниковъ.

1111 г. «Ангелъ вложи Володимеру въ сердце (звать князей на Половцевъ)..... Падаху Половци..... невидимо бьеми ангелами съ Божьею помощію, молитвами святая Богородица и святыхъ Ангелъ возратишась Русьстіи князи»[18].

1173. «Заступи очевисто отъ поганыхъ святая Богородица и хрестьянская молитва»[19].

1185. «Святославъ же и великій князь Рюрикъ побѣду пріемша, молитвою мученника Бориса и Глѣба, и поидоша кождо въ своясп, славяще Бога въ Троицѣ, отца и сына и святаго духа»[20].

Всѣ несчастія приписываютъ они грѣхамъ людскимъ, дѣйствіямъ злаго духа, и безпрестанно повторяютъ:

«Сиже вся содѣявшась грѣхъ ради нашихъ»[21].

1187. «Бысть болѣсть сильна въ людехъ велми, ни бяше бо ни одного же двора безъ болнаго, а въ иномъ дворѣ не кому бяше на воды ходити. Богъ бо казнилъ рабы своя напастьми различными, водою и огнемъ и болѣзнми тяжкыми. По обаче надѣемся на милость великаго Бога, кажетъ ны добрѣ благый Владыка, но по безаконью нашему сотвори намъ, ни погрѣхомъ нашимъ воздастъ намъ человѣколюбецъ».

Ни одного случая не пропускаютъ они, чтобы не присоединять наставленія на пользу души.

«Вижьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ», говорятъ они, описавъ неожиданное избавленіе Мономаха отъ опасности, «на смиренныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиреннымъ же даетъ благодать»[22].

Или о С. С. Борисѣ и Глѣбѣ:

---

[17] Лѣт. по Лавр. сп. с. 151, 152, по Ип. сп. с. 102. [18] Лѣт. Кіевс. по Ип. сп. с. 3. [19] с. 3. [20] с. 107. [21] с. 129. [22] По Ипат. сп. с. 9.

«Похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчатѣ Христовѣ добріи, яже влекома на заколеніе не противистася, ни обѣжаста нужныя смерти; тѣмъ же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ исцѣленія пріемша отъ Спаса нашего Исуса Христа неоскудно подаваета недужнымъ, съ вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему»[23].

Или о жизни епископа Ѳеодорца.

«И сбышася слово Евангельское на немъ глаголющее: ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ, имъ же судомъ судите, судится вамъ, судъ бо безъ милости не сотворшему милости».

«Любятъ отечество», при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ о Русской землѣ и отъ души прославляютъ тѣхъ князей, которые дѣлали добро ему. Напр.

«Преставися благовѣрный князь христолюбивый и великый князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Рускую землю, акы солнци луча пущая; его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбецъ *и добрый страдалецъ за Рускую землю.* Святители же жаляще си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе..... яко же дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людіе и сынове его»[24].

1149. Лѣтописатель произноситъ обѣты, дабы

«Земля Русская расплодилася и размножилась въ братолюбіи Князей».

Они имѣютъ «образованіе»: знакомы очень хорошо съ священнымъ Писаніемъ, и приводятъ часто мѣста изъ него, имѣютъ историческія и богословскія свѣдѣнія и въ особенныхъ случаяхъ заботятся объ украшеніи своей рѣчи; прочтите, напримѣръ, заключеніе Кіевской лѣтописи.

---

[23] Лѣт. по Ип. с. 6 и 7. [24] с. 10.

Говоря о внушеніи Мономаху ангеломъ мысли идти на Половцевъ, лѣтописатель предлагаетъ выписки изъ Златоуста, Епифанія-Кипрскаго и Ипполита[25], приводитъ примѣры знаменія изъ исторіи Іерусалима[26], дѣлаетъ выписки изъ хронографовъ:

«Ащели кто сему вѣры не имать, да почтетъ хронографа»[27].

Описывая преемство князей, рожденіе и смерть ихъ, междуусобныя войны, набѣги иноплеменниковъ, походы, строеніе церквей, посвященіе епископовъ и кончины ихъ, знаменія небесныя, — не вникая никогда въ причины дѣйствій, — не предлагая никакихъ извѣстій о частной жизни, — лѣтописатели наши вообще «сухи и однобразны». Но опытный, тщательный и проницательный изслѣдователь найдетъ въ нихъ многія драгоцѣнныя черты, нечаянно проведенныя или намѣченныя, по коимъ можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, воспроизвести очеркъ времени. Оживить его предоставляется историку-художнику, носящему въ груди даръ творческаго искуства.

Вотъ общія замѣчанія о лѣтописяхъ нашихъ и объ ихъ главныхъ свойствахъ.

Какъ въ изслѣдованіяхъ перваго періода я говорилъ, что всего важнѣе вопросъ о времени сочиненія и степени достовѣрности первой лѣтописи, отнесенной нами къ 11 вѣку, а вопросъ объ имени лѣтописателя и пр. составляетъ болѣе предметъ любопытства, — такъ и теперь скажу: лѣтописи наши современны, оффиціальны, вѣрны, — вотъ главное! Раздѣленіе ихъ, опредѣленіе границъ, времени, — это уже вопросы частные, второстепенные; но не станемъ уклоняться и отъ нихъ, и скажемъ что можно.

---

[25] С. 105. [26] С. 3 и 375. Г. Бередниковъ отнесъ выписки, неизвѣстно почему, изъ текста въ особое приложеніе. [27] С. 5.

II.

Какія именно лѣтописи есть у насъ для удѣльнаго періода?

Несторъ, старый другъ нашъ, является здѣсь, прежде всѣхъ, современнымъ свидѣтелемъ, и доставляетъ намъ свѣдѣнія о княженіяхъ Изяслава, Святослава, Всеволода, Святополка.

Это время принадлежитъ къ началу лѣтописей, сходному во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, есть часть его и составляетъ съ нимъ одно цѣлое, одно сочиненіе, которому посвященъ нами подробный разборъ, и слѣдовательно здѣсь распространяться вообще объ немъ не нужно.

Здѣсь мы должны разобрать только — до котораго года собственно писалъ Несторъ, и съ котораго года начинаются труды его продолжателей?

Изслѣдователи надѣялись получить окончательный, или покрайней мѣрѣ приблизительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ предисловіи къ полному изданію Русскихъ Лѣтописей, въ коемъ обѣщалъ намъ нѣсколько разъ г. Бередниковъ рѣшить все дѣло о лѣтописяхъ. Съ такою надеждою оставилъ и я въ разсужденіи о Несторѣ вопросъ, «гдѣ пересталъ онъ писать», вмѣстѣ съ другими частностями, отзываясь, что «не могу сказать о немъ своего мнѣнія, безъ короткаго знакомства со всѣми списками»[28].

Ожиданіе не исполнилось: обѣщанное г. Бередниковымъ разсужденіе умѣстилось на десяти страницахъ, и въ немъ мы не узнали ничего не только о происхожденіи лѣтописей, но не получили даже простаго описанія списковъ[29]. Еще болѣе — своими странными заглавіями[30] и разбросанными, безъ всякой системы, замѣчаніями[31] издатель привелъ насъ въ совершенное замѣшательство,

---

[28] См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи мои о Русской Исторіи. М. 1846, томъ I, с. 226.

[29] При иныхъ не означено даже, до котораго года они простираются, см. ниже.

[30] Извѣстно, что г. Бередниковъ вздумалъ называть лѣтописи по именамъ писцевъ и владѣльцевъ, отъ чего явились у него лѣтописи Лаврентьевская (по имени монаха писца), Радзивиловская (по имени хозяина), Ипатьевская (по имени монастыря, гдѣ найдена), Хлѣбниковская (по имени хозяина); скрылись изъ виду лѣтописи Кіевская, Волынская, Суздальская, — и смѣшались сочиненія со списками: Лаврентьевская лѣтопись и Лаврентьевскій списокъ!! и т. п.

[31] Примѣры будутъ показаны въ продолженіи разсужденія.

подалъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ, и прибавилъ изслѣдователямъ много лишняго труда.

Намъ остается теперь только изъ его предисловій, замѣчаній Карамзина и Перевощикова, самихъ изданій, старыхъ и новыхъ, извлечь заключеніе о положеніи дѣла, in statu quo, и указать будущимъ изслѣдователямъ и издателямъ главные пункты, на которые должно имъ обращать вниманіе.

Прежде всего представляется вопросъ: сколько имѣемъ мы списковъ Нестора, по коимъ можно разсуждать о немъ?

Повѣрятъ ли читатели, что до сихъ поръ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта и на этотъ простой и однакожъ неизбѣжный вопросъ!

Шлецеръ первый пустилъ молву, что списковъ осталось множество. Послѣ него, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, его слова повторялись безпрестанно, и сдѣлались общимъ мѣстомъ въ нашей исторической литературѣ.

Археографическая коммиссія объявила о ста пятидесяти слишкомъ спискахъ, и нѣсколько разъ повторяла о сводномъ изданіи, но въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, оказался Несторъ, сравненный только по пяти спискамъ [32], которые суть:

«Лаврентьевскій», древнѣйшій, на пергаментѣ въ большую четвертку, уставомъ и полууставомъ разныхъ почерковъ, писанъ «мнихомъ Лаврентіемъ» для Суздальскаго князя Димитрія Константиновича, въ 1380 году, съ продолженіемъ до 1305 года. Онъ же называется Пушкинскимъ, по имени прежняго владѣльца.

«Радзивиловскій» на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ XV или начала XVI вѣка, съ рисунками, съ продолженіемъ до 1200 года (называется такъ, по имени бывшаго владѣльца, а «Кенигсбергскимъ» по городу, гдѣ послѣ хранился и откуда взятъ).

«Ипатьевскій», на бомбицинѣ, въ листъ, разными почерками, конца

[32] Это я предусматривалъ, и еще въ 1838 году написалъ: «судя по видѣннымъ мною образцамъ, изданіе будетъ имѣть много отличныхъ качествъ, хоть я и не одобряю плана. По моему, для удовлетворенія текущей потребности, надобно издать три-четыре списка, какъ они есть, т. е. Лаврентьевскій, Ипатьевскій.... а изданіе со всѣми варіантами, — трудъ, требующій много времени, опыта, искуства, — могло бы послѣдовать послѣ». Такъ и вышло. Издатели увидѣли, что по 50 спискамъ издавать теперь нельзя, но не надобы и по пяти, а порознь.

XIV или начала XV вѣка, съ продолженіемъ до 1292 года (называется такъ по имени Костромскаго монастыря, гдѣ былъ найденъ).

«Хлѣбниковскій» на лощеной бумагѣ, въ листъ, уставомъ XVI вѣка, съ продолженіемъ до 1292 г. (называется такъ по имени владѣльца).

«Троицкій» на бумагѣ (?) въ четвертку, полууставомъ, XV вѣка, съ продолженіемъ до 1419 г. (называется такъ по монастырю, которому принадлежитъ [33]).

Разсмотримъ ихъ:

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1097 годомъ встрѣчаемъ мы пространное извѣстіе объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя Василька Ростиславича со многими предыдущими и послѣдующими обстоятельствами, которое явно принадлежитъ не Нестору [34], ибо въ срединѣ его сочинитель является самъ дѣйствующимъ лицемъ, и даетъ намъ знать о своемъ имени:

«Да се, Василю, шлю тя», говоритъ ему виноватый Давидъ Игоревичъ, «иди къ Василькови, *тезу своему*...... и молви ему тако».

Слѣдовательно, заключаемъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторова лѣтопись смѣшана, совокуплена съ современнымъ сказаніемъ какого-то Василія.

Потому-то и повторяются здѣсь именно около этого сказанія подъ разными годами однѣ и тѣ-же извѣстія:

«1097. А на лѣто 2-е, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ и Олегъ привабиша Давида Игоревича, и недаша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, въ немже и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава [35].

А потомъ это-же событіе является гораздо подробнѣе подъ 1100 г. съ слѣдующимъ окончаніемъ:

---

[33] Напрасно г. Бередниковъ назвалъ его Троицкимъ 1-мъ; какой-же Троицкій 2-й? Уже лучше бы для ясности назвать его вторымъ или новѣйшимъ, а сгорѣвшему оставить извѣстное между знатоками имя Троицкаго перваго, или харатейнаго, или древнѣйшаго.

[34] А г. Бередниковъ ставитъ въ заглавіи надъ этими страницами безъ всякой оговорки: «древній текстъ Несторовой лѣтописи»!

[35] Полное собраніе лѣтописей, т. I, с. 116.

И по семъ вдастъ Святополкъ Давидови Дорогобужъ, въ немъ же умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу»[36].

Такъ-же подъ 1098 г.

«Приде Володимеръ, и Давидъ и Олегъ, по Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, яко же и въ прежнее лѣто сказахъ»[37].

Прежде это происшествіе расказано гораздо подробнѣе въ сплошномъ повѣствованіи, разумѣется Василіевомъ[38], равно какъ и слѣдующее:

1099 г. «Изыде Святополкъ на Давида къ Володимерю, и прогна Давида въ Ляхвъ. Въ се же лѣто побьени Угри и Перемышцы. Въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ сынъ Святополчь»[39].

Изъ всѣхъ сихъ двойныхъ извѣстій одно принадлежитъ Нестору, другое разумѣется не ему[40].

Наконецъ поученіе Мономахово, помѣщенное среди 1096 года[41] въ разрѣзъ сказанія о разныхъ племенахъ, явно вставленное не Несторомъ, переставшимъ писать до кончины Мономаховой[42], служитъ окончательнымъ доказательствомъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ нѣтъ чистой Несторовой лѣтописи[43].

Если въ Лаврентьевскомъ спискѣ нѣтъ частей Несторовой лѣтописи, то и въ прочихъ спискахъ, объявленныхъ принадлежащими къ той-же категоріи, и употребленныхъ при ея изданіи для варіантовъ, также нельзя искать ея — заключеніе логическое, которое подтверждается и разсмотрѣніемъ самаго изданія. Во всѣхъ сихъ спискахъ находится сказаніе Василія.

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, изданномъ особо предшественникомъ Бередникова Барковымъ — вставка ясна.

А кромѣ этихъ пяти списковъ больше и нѣтъ никакихъ! Если-бы еще

---

[36] Собр. лѣт. с. 117; [37] с. 116; [38] с. 112; [39] с. 116, а подробнѣе с. 114 и 115.

[40] Замѣчу здѣсь кстати, что въ первомъ своемъ изслѣдованіи о Несторѣ (т. I, с. 24) я напрасно считалъ это повтореніе доказательствомъ перерыва лѣтописи: оно доказываетъ только вставку, что замѣтилъ мнѣ и г-нъ Бѣляевъ. Послѣ повтореннаго извѣстія — «та-же» лѣтопись, «то-же» сочиненіе продолжается. Ошибка моя происходила отъ того, что я не видалъ списковъ предъ собою, какъ теперь, въ изданіи Археографической коммиссіи, а судилъ о нихъ по отрывочнымъ замѣчаніямъ Карамзина.

[41] С. 100; [42] Смотри ниже.

[43] А. г. Бередниковъ и поученіе Мономахово называетъ «древнимъ текстомъ Несторовой лѣтописи»!

были списки этой категоріи, то они были бы употреблены, или по крайней мѣрѣ описаны съ объясненіемъ, почему не употреблены.

Было-ли Василіево сказаніе въ Троицкомъ древнѣйшемъ спискѣ (харатейномъ XV или даже XIV вѣка), употребленномъ Карамзинымъ и сгорѣвшемъ при Французахъ, — отвѣчать положительно нельзя: Карамзинъ, описывая ослѣпленіе Василька, не ссылается нигдѣ на этотъ списокъ; говоря о повтореніи извѣстій въ лѣтописи, упоминаетъ также только о «Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ спискахъ», но не указываетъ на Троицкій, что кажется сдѣлалъ бы непремѣнно, еслибъ тамъ были повторены извѣстія. Потеря невозвратимая и въ этомъ отношеніи!

Итакъ чистой лѣтописи Несторовой нѣтъ ни одного списка; съ Василіевымъ сказаніемъ есть только пять списковъ.

Что же заключается въ объявленныхъ 154 спискахъ лѣтописей?

Незнаю. Вѣроятно — новѣйшія сочиненія и сборники, въ которыхъ редакторы употребляли Нестора, каждый, какъ ему заблагоразсудилось.

По ихъ употребленію нельзя ли сдѣлать какихъ заключеній о первоначальномъ его текстѣ?

Можетъ-быть. Но для этого надобно имѣть всѣ эти лѣтописи предъ глазами.

Нѣтъ ли по крайней мѣрѣ слѣдовъ, чтобъ когда-нибудь у кого-нибудь была лѣтопись безъ Васильевой вставки?

У Сильвестра игумена, древнѣйшаго переписчика, Несторова лѣтопись была уже въ 1116 году съ этою вставкою.

Редакторъ Софійскаго временника переписываетъ сказаніе сполна, оставляя у себя даже собственное Василіево имя.

Редакторъ Воскресенскаго сборника перемѣняетъ только первое лицо на третье.

Редакторъ Никоновскаго точно также, равно какъ и Татищевъ. (У нихъ нѣтъ повтореній, т. е. Несторовыхъ извѣстій, которыя находятся въ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и проч. спискахъ).

Итакъ до сихъ поръ не замѣчается нигдѣ никакихъ слѣдовъ Несторовой лѣтописи, чистой, безъ Василіевой вставки.

Есть-ли надежда найти ее впредь?

Едвали! Не потому говорю я такъ, что не надѣюсь достать древнихъ списковъ — нѣтъ: господствующее у насъ мнѣніе, что только древнѣйшіе списки заключаютъ древнѣйшій текстъ, несправедливо: текстъ Русской Правды, помѣщенный въ Новгородской лѣтописи Ак., принадлежатъ XV вѣку, и гораздо древнѣе текста, помѣщеннаго въ харатейной Кормчей 1282 года. Такъ точно текстъ Лаврентьевскаго списка 1380 года могъ бы уступить преимущество какому нибудь новѣйшему тексту безъ Васильевой повѣсти, безъ Мономахова поученія, но я не надѣюсь, чтобы отыскался такой списокъ потому что, думаю, едва ли онъ и существовалъ. См. ниже.

Не имѣя чистой лѣтописи Нестора, мы должны искать конца его и начала продолжателей въ смѣшанныхъ спискахъ, какіе есть и какіе изданы.

Перевощиковъ, видѣвшій всѣ списки, думаетъ, что Несторъ писалъ только до 1074 года. «Подъ годомъ 1074, послѣ повѣствованія о кончинѣ Ѳеодосія и о житіи другихъ Кіевопечерскихъ иноковъ» говоритъ онъ, «въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ, Никоновскомъ поставленъ аминь: сіе слово помѣщено токмо двумя годами прежде, подъ 1072 въ Софійскомъ временникѣ, въ Россійской лѣтописи по списку Софійскому и въ Воскресенской

лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ, послѣ вышеупомянутаго повѣствованія и слова аминь, оставленъ пробѣлъ въ полтора столпца и цѣлую страницу»[44].

Отвѣчаю: слово аминь очень часто встрѣчается у лѣтописателей въ срединѣ повѣствованія даже объ одномъ годѣ, смотря по ходу дѣлъ; всякое благочестивое размышленіе о грѣхахъ, о наказаніяхъ злымъ и наградахъ праведнымъ, всѣ славословія по поводу освященія церквей и проч. всегда оканчиваются этимъ словомъ. Напр.

1111 г. «Якоже и се, съ Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ «ангелъ, възвратишася Русьстіи князи въсвояси, съ славою великою къ своимъ людемъ; и «ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, доп- «деже и до Рима пройде, на славу Богу всегда и ныня и присно во вѣки, *аминь.* Того же «лѣта преставися княгиня Всеволожая, мѣсяца Октября въ 7 день, и положена бысть у св. «Андрея въ манастыри. Того-же лѣта преставися Іоанъ, епископъ Черниговскій, мѣсяца «Ноября, въ 23 день»[45].

Слѣдовательно одинъ аминь не можетъ служить границею.

«Отсюда начинаются», продолжаетъ Перевощиковъ, «главныя и великія различія между списками: обоими Новгородскими, Софійскимъ временникомъ, Россійскою лѣтописью по списку Софійскому, и Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ, Кенигсбергскимъ, Воскресенскимъ, Лѣтописцемъ Русскимъ: отсюда списки Новгородскіе становятся совершенно сходными»[46].

Это доказательство было бы очень важно, но, признаюсь, я не вижу ему оправданія въ изданіи Археографической коммиссіи. Извольте разсмотрѣть лѣтопись въ I томѣ съ 1084 г. по 1110: нѣтъ никакихъ существенныхъ различій, кромѣ обыкновенныхъ варіантовъ. Убѣдительно прошу г. Перевощикова указать мнѣ эти «главныя и великія различія въ спискахъ».

Повѣсть Василія подъ 1097. Г. Перевощиковъ приводитъ также въ доказательство, что послѣ 1073 года писалъ уже не Несторъ.

Эта повѣсть не присоединена, а «вставлена» въ лѣтопись, какъ ясно

---

[44] Перевощиковъ о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ, с. 28.

[45] Лѣтопись по Ип. сп. с. 3.

[46] Перевощиковъ о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ с. 28.

видно по повторенію однихъ и тѣхъ же извѣстій, что показано выше, слѣдовательно доказательствомъ границы Несторовой служить не можетъ.

«Наконецъ», говоритъ г. Перевощиковъ «по сравненіи словоvыраженія и слога въ лѣтописяхъ, отъ начала ихъ до 1074 г. и отъ сего далѣе, ясно представляются слѣдующія различія: Несторъ употребляетъ слова и выраженія, которыя въ продолжателѣ не находятся».

Пусть укажетъ ихъ г. Перевощиковъ. Мнѣ кажется, въ періодѣ отъ 1074 г. до 1110 развѣ случайно не находится какихъ нибудь, и то немногихъ словъ изъ употребленныхъ Несторомъ до 1074.

«Въ Несторѣ встрѣчаются слова и выраженія для насъ вовсе непонятныя».

Какія? Непонятнаго какъ у Нестора «такъ» и продолжателей очень мало.

«Вообще словоvыраженіе Несторово древнѣе, неправильнѣе; словоvыраженіе продолжателя новѣе, чище».

На оборотъ: у Нестора, кромѣ переписанныхъ имъ древнихъ записокъ, о коихъ смотри выше, словоvыраженіе чище и правильнѣе, что замѣчаютъ и гг. Кубаревъ и Бѣляевъ.

«Въ Несторѣ можно видѣть лучше состояніе Россіи и двухъ описанныхъ имъ временъ; въ продолжателѣ находимъ повѣствованія почти объ однѣхъ перемѣнахъ политическихъ».

Происшествія отъ 1074 до 1110 г. такъ осудить нельзя, (а развѣ послѣ 1110 года): эти годы описаны точно такъ, какъ и предыдущіе.

Несторъ нерѣдко говоритъ о происшествіяхъ Греческихъ: продолжатель упомянулъ только объ одномъ.

Несторъ перестаетъ упоминать объ нихъ задолго до 1073 года, слѣд. симъ не опровергается принадлежность ему описаній годовъ 1074—1110.

«Въ Несторѣ много монологовъ, въ продолжателѣ ни одного».

А это что: 1091 «азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житья и и воздержанья. По се реку мало что и пр.»[47].

Или: 1093. «Сего ради въ праздникы Богъ намъ наводитъ сѣтованья и пр.»[48].

---

[47] С. 91. [48] с. 95.

«И Несторъ и продолжатель употребляютъ слогъ драматическій; но слогъ Нестора суровъ и тѣмъ болѣе выразителенъ: слогъ продолжателя (да будетъ позволено такъ сказать) мягче и слабѣе».

Суровость принадлежитъ не Нестору, а древнимъ запискамъ, внесеннымъ имъ въ свою лѣтопись. А въ выразительности или краснорѣчіи Несторъ беретъ преимущество предъ своими продолжателями. Это его личное достоинство, которое послѣ 1074 года видно также, какъ и до 1074 года.

«Въ Ипатьевскомъ спискѣ послѣ 1073 года есть пробѣлъ въ полторы страницы».

Этотъ пробѣлъ занималъ меня долго, но нѣтъ никакого права останавливаться критику на одномъ подобномъ обстоятельствѣ, тѣмъ болѣе, что въ Ипатьевскомъ спискѣ есть пробѣлы и въ другихъ мѣстахъ безъ всякой видимой причины, какъ замѣтилъ самъ г. Перевощиковъ [49].

Заключаю: мнѣніе Перевощикова не выдерживаетъ критики.

Татищевъ полагалъ по мнѣнію, что Несторъ кончилъ 1094 годомъ. Ему можно отвѣчать тоже, что сказано въ началѣ отвѣта Перевощикову. Карамзинъ прибавляетъ, еще говоря противъ Татищева: «ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря: (лѣто 6604) намъ сущимъ, по кельямъ почивающимъ (въ Лаврѣ), ибо другаго Печерскаго лѣтописца не знаемъ» [50]: но это доказательство безъ другихъ было бы не слишкомъ крѣпко.

Карамзинъ границею Несторова повѣствованія почитаетъ 1110 годъ: «гдѣ точно (Несторъ) заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 года, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находится Сильвестрова приписка [1]:

«Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила *написахъ* книгы си лѣтописець, надѣяся отъ

---

[49] С. 11, 12, 13. [50] Ист. Гос. Росс. т. II, пр. 213. [51] Тамъ-же.

Бога милость пріяти, при князѣ Володимерѣ, княжащу ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменѣющу у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ»[52].

Точно — Сильвестрова приписка явно показываетъ, что первоначальная лѣтопись, вышедъ, такъ сказать, въ свѣтъ изъ рукъ сочинителя, и попавшись переписчикамъ, оканчивалась 1110 годомъ; показываетъ тѣмъ болѣе, что передъ нею не описано шести лѣтъ, слѣдующихъ уже послѣ нея, какъ бы заднимъ числомъ, и, разумѣется, отъ другаго лица. Еслибъ они были описаны первымъ сочинителемъ, то не могли бы откинуться за приписку[53].

I. Мнѣніе о 1110 годѣ, какъ границѣ Несторовой лѣтописи, которое принимаютъ гг. Кубаревъ[54] и Бѣляевъ[55], можно подтвердить еще слѣдующими соображеніями.

1. Около 1110 года во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ примѣчается великое «замѣшательство»[56] (кромѣ Васильевскаго), напр. въ Лаврентьевскомъ.

Подъ 6618 (1110) читается:

«Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ, и дошедше Воиня и воротишася»[57].

А потомъ опять:

«Въ лѣто 6619 идоша веснѣ на Половцѣ, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, и идоша Воиня и воротишася[58].

---

[52] Полное собраніе лѣтописей, т. I, с. 123.

[53] Эти шесть лѣтъ, въ слѣдствіе непростительнаго недоразумѣнія или затмѣнія, разумѣлъ я въ первомъ своемъ изслѣдованіи (т. I, с. 23) совершенно неправильно, чего однакожъ не замѣтили мои ученые рецензенты того времени, какъ ни старались найти что нибудь для порицанія. Дѣло вотъ въ чемъ: Карамзинъ сказалъ (II, пр. 213): Еслибы Сильвестръ былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году «не оставилъ бы шести лѣтъ» (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія, есть трудъ инаго для насъ безъименнаго человѣка». Сильвестръ писалъ это подъ 1110 годомъ. Я и подумалъ, что не описаны шесть лѣтъ передъ 1110 годомъ, т. е. 4, 5, 6, 7, 8, 9, а теперь ясно, что не описаны шесть лѣтъ передъ 1110 годомъ т. е. 11, 12, 13 и пр.

[54] Рус. Истор. Сборникъ, ч. IV, с. 390.

[55] Чтенія въ Истор. обществѣ, № 5, Декабрь, с. 72.

[56] Вотъ это замѣшательство долженъ бы воспроизвесть ученый издатель, чтобы дать изслѣдователю и критику указанія....

[57] С. 121. т. I, с. 127. [58] Это важное для изслѣдователя повтореніе указано у Перевощикова, с. 8, а у Бередникова откинуто въ кучу варіантовъ.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ повторено подробное извѣстіе о походѣ князей, въ слѣдствіе убѣжденій Мономаховыхъ подъ 6611 и подъ 6619 годомъ.

Послѣ этого похода подъ 1111 годомъ тамъ сказано:

«Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Маномаху поустити братью свою на иноплеменникы, Русьскіи князи; се бо *якоже рекохомъ*, видѣнье видѣша въ Печерскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на трапезници, таже преступи на церковь и оттуда къ Городцю: ту бо бяше Володимеръ въ Радосыни, и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, якоже рекохомъ».

Повторенное неловко «якоже рекохомъ», показываетъ явно опытному глазу какую-то заплату или сшивку, и объясняетъ, почему въ Ипатьевскомъ спискѣ написано цѣлою страницею объ ангелахъ больше, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ и Радзивиловскомъ: продолжателю захотѣлось соединить тѣснѣе пророчество съ событіемъ. Съ этою цѣлію онъ распространилъ Несторово сказаніе о знаменіи подъ 1110 годомъ, и сослался на свое распространеніе подъ 1111 годомъ словами «якоже рекохомъ». Нестору зачѣмъ бы подъ двумя годами рядомъ говорить объ ангелахъ и ссылаться на самого себя. (Если бы эта догадка была несправедлива, то Нестору, по Ипатьевскому списку, надо-бы приписать и 1111 годъ)!

II. Съ 1111 года примѣчается въ спискахъ явственное «различіе». Сравните Лаврентьевскій списокъ, съ которымъ сходенъ Радзивиловскій, — Ипатьевскій, съ которымъ сходенъ Хлѣбниковскій и Ермолаевскій, — и различіе бросится вамъ въ глаза. Между тѣмъ до 1111 года примѣчается, напротивъ, полное сходство, коимъ и доказывается, какъ мы имѣли уже нѣсколько разъ случай замѣчать, единство и цѣлость Несторова сочиненія, служащаго началомъ всѣхъ лѣтописей.

Замѣшательство и различіе доказываютъ, что здѣсь именно одинъ лѣтописатель оканчивалъ, а другіе продолжатели начинали. Первый остался неприкосновеннымъ, общимъ для всѣхъ продолжателей, а они пошли каждый своимъ путемъ, и потому представляютъ различіе въ продолженіи повѣствованія.

III. «Хронологическая таблица», которая помѣщена въ началѣ Несторовой лѣтописи и оканчивается смертію Святослава въ 1113 году, доказываетъ также, согласно съ предложенными соображеніями, что Несторъ живъ былъ послѣ 1113 года, а писалъ прежде или послѣ, или прежде и послѣ, но не далѣе 1125 года. Въ первомъ случаѣ, онъ могъ пишучи прибавить кончину Святополкову въ прежденаписанную свою таблицу, т. е. Святополкъ скончался, «между тѣмъ» какъ Несторъ писалъ[68]. Но нельзя сказать этого о Мономахѣ, котораго кончина не отмѣчена Несторомъ въ таблицѣ: ясно, что онъ скончался до нея, т. е. до 1125 года.

Сообразивъ всѣ наши заключенія, вспомнивъ сказанное объ оффиціальныхъ запискахъ, предложимъ ходъ дѣла, сколько о немъ знать можно, и догадываться позволительно.

Несторъ, монахъ Кіевопечерскаго монастыря, пришедшій туда въ 1072 году, написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, потомъ Ѳеодосія (можетъ быть около 1094 года[69]). Ему попались въ руки оффиціальныя записки о происшествіяхъ, и онъ, расположенный уже къ авторству, знакомый съ лѣтописями греческими въ Болгарскихъ переводахъ, кои присылаемы были къ намъ Болгарскими и Греческими монахами, вознамѣрился написать Русскую лѣтопись, т. е. распространить записки, и дополнить свѣдѣніями, отъ того или другаго лица слышанными[69], тамъ и сямъ собранными изъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, наконецъ цѣлыми сказаніями, кои тогда ходили уже въ народѣ.

Это распространеніе сдѣлалъ онъ по примѣру Византійскихъ лѣтописей, подавшихъ ему и первую мысль о новомъ трудѣ, и помѣстилъ у себя много выписокъ оттуда. Сочиненіе свое довелъ онъ до 1111 года, но живъ былъ еще послѣ 1113 года, ибо этотъ годъ успѣлъ ввести въ свою таблицу.

Трудъ его тотчасъ прославился и пошелъ еще при его жизни по рукамъ, «съ чемъ и началось преданіе о Несторѣ, какъ о первомъ лѣтописателѣ».

---

[68] Слѣдовательно нѣтъ никакой надобности полагать съ г. Кубаревымъ, что Несторъ началъ писать послѣ 1113 года. Смотри въ Рус. Истор. С.-Пб. ч. IV, с. 391. [69] С. 432.

Нѣкто по имени «Василій», человѣкъ значительный, близкій къ князьямъ, случася въ 1096 году во Владимерѣ-Волынскомъ, употребленъ былъ княземъ Давидомъ Игоревичемъ для переговоровъ съ тезомъ княземъ своимъ Василькомъ Ростиславичемъ, который находился тамъ въ плѣну, и описалъ подробно всю исторію ихъ отношеній между собою и свое посредничество[60].

«Сильвестръ», игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, досталъ себѣ и переписалъ въ 1116 году лѣтопись Несторову, доведенную до 1111 года, вставивъ въ нее сказаніе о Василькѣ, если оно не было вставлено прежде самимъ Несторомъ, Василіемъ, или другимъ какимъ первымъ переписчикомъ.

(При всѣхъ четырехъ предположеніяхъ нечего затрудняться первымъ лицемъ, которое поставлено рядомъ съ другими чужими первыми лицами: тогда обращалось вниманіе на самое дѣло, а не на эти формы и оговорки, принадлежащіе другому періоду сочиненій, болѣе отчетливому и ученому[61]. Замѣчу впрочемъ: «кто вставилъ» — вопросъ маловажный. Довольно, что вставка сдѣлана ближайшимъ переписчикомъ, если не самимъ сочинителемъ).

Сильвестровъ списокъ сдѣлался оригиналомъ и прародителемъ всѣхъ списковъ, до насъ дошедшихъ, ибо всѣ они повторяютъ его приписку[62], кромѣ Ипатьевскаго, гдѣ вѣроятно она пропущена писцемъ[63].

Въ такомъ видѣ наши лѣтописи съ Несторомъ, въ основаніи, переписывались можетъ быть[64] въ продолженіи XII вѣка; въ XIII вѣкѣ явились новые сочинители, которые брали Несторову лѣтопись съ «продолженіями, какъ матеріалъ», и заимствовали изъ нея начало своихъ сочиненій, переработывая ее по

---

[60] Напрасно г. Кубаревъ думаетъ, что особыхъ сказаній въ то время не было: сказаніе о пришествіи св. апостола Андрея, которое помѣщается въ прологахъ, сказаніе о построеніи церкви святаго Георгія (тамъ-же), о посольствахъ къ Владиміру и крещеніи Русской земли, были сначала вѣроятно особенными сочиненіями (такъ послѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ, о нашествіи Батыя и проч.) и внесены въ лѣтопись Несторову (кромѣ втораго).

[61] См. тоже Кубарева.

[62] Въ 1409 году лѣтописатели извѣстенъ былъ также списокъ изъ категоріи Сильвестра, котораго онъ называетъ даже лѣтописателемъ. Смотри въ первой статьѣ.

[63] Этотъ пропускъ закрытъ въ изданіи Бередникова, а виденъ также въ описаніи Перевощикова, с. 12.

[64] Я говорю «можетъ быть» — все еще въ страхѣ предъ тѣнію Шлецера, наши молодые изслѣдователя рѣшаются смѣлѣе.

своему, измѣняя болѣе или менѣе, или повторяя въ словѣ употребленія собственныя, распространяя ее въ однихъ мѣстахъ, и сокращая въ другихъ.

Сильвестровъ списокъ сдѣлался главнымъ матеріаломъ этихъ позднѣйшихъ сочиненій и сборниковъ, напр. Софійскаго временника, Никоновскаго сборника и проч.

Теперь обратимся къ продолжателямъ. Не продолжалъ ли Сильвестръ Несторовой лѣтописи?

Сильвестра признаютъ всѣ переписчикомъ. Лѣтописатели никогда не подписывали у насъ своихъ именъ. Написахъ — на древнемъ языкѣ нашемъ значитъ именно переписалъ; списалъ — на оборотъ значитъ сочинилъ, написалъ[65]. «Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ епископъ Переяславскій) былъ сочинитель», говоритъ Карамзинъ, «то онъ (6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ иного, для насъ безъименнаго человѣка».

Это несправедливо. Сильвестръ могъ въ 1116 году переписать лѣтопись до 1111 года и послѣ начать продолженіе съ 1111 года, предъ которымъ Несторъ остановился. Впрочемъ Сильвестръ переведенъ былъ епископомъ въ Переяславль въ 1118 году и тамъ скончался въ 1123 году, слѣдовательно во всякомъ случаѣ могъ продолжать очень недолго[66].

Карамзинъ замѣчаетъ еще: «Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій (съ 1111 года) думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе».

Разсматривая лѣтописи по изданіямъ Археографической коммисіи, я не вижу, чтобъ именно съ 1125 года извѣстія стали полнѣе. Годы всѣ описаны ровно, а если въ которыхъ менѣе есть извѣстій, такъ это по тому, что и происшествіями они были беднѣе. Прибавлю еще, что по Ипатьевскому списку описаны они гораздо подробнѣе, нежели по Лаврентьевскому: редакторъ Владимірскій могъ сокращать описанія, о чемъ см. ниже.

---

[65] Мнѣ попадалось много рукописей гдѣ эти слова такъ употреблялись; укажу на одну въ моей библіотекѣ: «Житіе великія княгини Ольги, «списано» любомудрецомъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы». [66] См. еще замѣчанія Добровскаго къ Шлецерову Нестору, III, с. 680.

Первый продолжатель Несторовъ, сочинялъ лѣтопись, распространяя продолженіе оффиціальныхъ записокъ, имъ полученныхъ съ 1111 года, которыхъ не было уже у Нестора. Въ началѣ его труда, именно въ приложеніи записокъ къ лѣтописи Несторовой, при спайкѣ, если позволятъ такъ выразиться, и произошло замѣшательство.

Обработывая записки, этотъ продолжатель вставлялъ при случаяхъ извѣстія о прежнемъ времени, кои Несторъ пропустилъ или не зналъ, наприм. объ отношеніяхъ Рогнѣды къ Владиміру и источникѣ вражды между Изяславичами и Ярославичами. (Такъ поступали и другіе).

Продолжателей было вдругъ по два и по три, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, отчего позднѣйшіе редакторы и переписчики (а они только и дошли до насъ) еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причинѣ лѣтописи уходятъ однѣ передъ другими — годомъ и двумя.

Вотъ предположеніе о происхожденіи, о ходѣ лѣтописнаго дѣла самое естественное, а впрочемъ, ученая кропотливость можетъ пріискать на него нѣсколько возраженій, равно какъ и сдѣлать нѣсколько другихъ предположеній, безъ пользы однакожъ наукѣ, кои не перемѣнятъ дѣла, напр. Несторъ написалъ лѣтопись, Сильвестръ переписалъ ее, первый продолжатель вставилъ сказаніе, оставя Сильвестрову приписку [67]. Его то списокъ (а не Сильвестровъ) сдѣлался прародителемъ прочихъ списковъ. (Изъ нихъ Ипатьевскій пропустилъ приписку) и т. п.

Чтобъ анализировать все это, и еще тотчасъ привести все дѣло въ совершенную ясность и на все дать отвѣты, или покрайней мѣрѣ предложить догадки близкія, сообразно съ настоящимъ состояніемъ науки, должно описать подробно и основательно списки всѣхъ лѣтописей. А описать нельзя безъ того, чтобы не перечесть ихъ сподрядъ по нѣскольку разъ.

---

[67] Множество есть примѣровъ того, какъ переписчики оставляютъ послѣсловія своихъ подлинниковъ: послѣсловіе попа Упиря Лихаго, извѣстно мнѣ по тремъ спискамъ, тоже послѣсловіе Кириково Василіевой грамоты, дьячишковъ Григорья и Ермолая въ Печерскомъ патерикѣ и пр.

При описаніи надо болѣе всего обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, на кои намекнулъ я въ I томѣ изслѣдованій, ожидая изданій Коммисіи, и кои подробно описалъ теперь.

Отъ 1091 года до 1125 — вотъ время самое затруднительное, которое должно быть описано и издано для ясности по всѣмъ спискамъ порознь.

Для облегченія труда есть много пріемовъ, о которыхъ не мѣсто распространяться здѣсь: прочетшій внимательно предлагаемыя изслѣдованія, составитъ себѣ самъ достаточное понятіе.

Теперь обратимся къ продолженіямъ Несторовой лѣтописи.

КІЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Первое продолженіе Нестора было разумѣется въ Кіевѣ.

Сколько было лѣтописателей тамъ послѣ Нестора?

Они писали сплошь, безъ раздѣленія; именъ своихъ никогда не сказывали, и мы должны собирать прежде всего примѣты ихъ существованія болѣе или менѣе ясныя.

1114. «*Пришедшю мю въ Ладогу,* повѣдаша ми Ладожане: яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взяхъ болѣ ста; суть же различни. Сему же ми сдивлящу, рекоша ми.... Мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада и проч.... *Сему же есть ми послухъ* посадникъ Павелъ Ладожскый и вси *Ладожане.*

1123. «И бысть велика помощь Божія благовѣрному князю Володимеру..... *Виждьте, братіе,* коль благъ Богъ и милостивъ, на смиреныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею».

1171. «На утрья же *въ Суботу* поидохомъ съ Володимеромъ изъ Вышегорода.

1187. «И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже *въ нашю память* небывало николиже».

1199. «Въ тоже время благоволи Богъ.... вдохнувъ мысль благу въ богопріятное сердце *великому князю Рюрикови....* Тогобо лѣта, мѣсяца Іуля въ 10 день.... заложи стѣну камену подъ церковью С. Михаила у Днѣпра, иже на Видобычи. О ней-же многѣ недерьзнувша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣже создана бысть

церкви, и въ толико лѣтъ мнозиже самодержци препдоша, держащѣи столъ княженія Кіевьского..... и ни єдинъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому.... О христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе *пріими*..... Еще же и мы должніи ти молитвеници нашь присный господине, единомысленно суще ко избранному *сему мѣсту*, надѣемся незабытно познани быти.... И Богъ милости и Отецъ щедротамъ.... да будеть съ царствомъ твоимъ, купьно съ любыми тобою.... нынѣ и присно и въ будущія вѣкыи, аминь».

Изъ этихъ мѣстъ «ясно» видны два лѣтописателя одинъ въ 1114 (и вѣроятно въ 1123), а другой, кончившій Кіевскую лѣтопись, сколько извѣстно ея по оставшемуся списку въ 1200, 1187 (а можетъ быть въ 1171 г.). Но нельзя кажется приписать съ Перевощиковымъ[68] этимъ двоимъ продолженія Несторовой лѣтописи отъ кончины Святополковой (въ 1113 г.) до 1200 года, почти сто лѣтъ! Вѣроятно «въ срединѣ былъ третій лѣтописатель». Это — соображеніе, но есть и положительное доказательство, именно, 1140 годъ описанъ другимъ лицемъ, не тѣмъ, кто описывалъ 1111—1132, какъ увидимъ ниже.

Итакъ «первый» продолжатель писалъ отъ 1113 до 1130 или 1140 года, т. е. до кончины Мстислава (1132) или Ярополка (1139). Въ 1114 году онъ былъ уже въ лѣтахъ зрѣлыхъ, имѣвъ сношеніе съ посадникомъ Ладожскимъ Павломъ.

Г. Бутковъ замѣчаетъ, что онъ не принадлежалъ къ черноризцамъ Печерскимъ (съ чѣмъ, согласно, прибавилъ, и путешествіе его въ Ладогу), ибо въ лѣтописи подъ 1128 годомъ написалъ:

«Въ се же лѣто переяша Печеряне церковь Св. Димитрія, и нарекоша ю Петра, *со грѣхомъ великимъ и не право*».

Такъ бы не сказалъ монахъ обители Печерской въ собственную себѣ и братіямъ своимъ укоризну.

«Второй» былъ именно Кіевлянинъ по вѣроятному замѣчанію Перевощикова, ибо подъ 1144 г. говоритъ:

«И пойде (изъ Кіева) Всеволодъ съ своею силою ко Звенигороду и ста *по сей сторонѣ* города, а Володимеръ ста по *ону* сторону города».

1140 годъ съ окружными безъ сомнѣнія принадлежитъ этому второму

[68] С. 35.

продолжателю, ибо онъ здѣсь воспоминаетъ о Мстиславѣ, умершемъ въ 1132 г., и расказываетъ за однимъ числомъ:

«Се-бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего и отъ Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую, а Мстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ».

Еслибы это писалъ первый продолжатель, то онъ сказалъ бы все въ своемъ мѣстѣ. Другой хотѣлъ пояснить, что по его мнѣнію не договорено было первымъ[69].

Этотъ второй описалъ происшествія вѣроятно до 70 годовъ, и держался стороны Мономаховой противъ Ольговичей, ибо подъ 1136 г. говоритъ:

«Ярополкъ (не дождавшись братьевь) пустился въ бой *мняще, яко не стояти Ольговичемъ противу нашей силы*».

Вѣроятно это мѣсто можетъ быть принадлежитъ и первому продолжателю, см. выше, тамъ же подъ 1143 г.

«Скопишася братья вся и пиша у Всеволода, и тако разидошася».

Слѣдовательно нельзя полагать вѣроятнымъ съ Карамзинымъ, чтобъ 1151 г. былъ описанъ не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ[70] по слѣдующимъ словамъ будто-бы лѣтописи:

«Стоявшимъ-же имъ (Георгію съ союзниками) 12 днй подъ городомъ (Черниговымъ) въ то же время Вячеславъ съ Изяславомъ стояшеть на сей сторонѣ Днѣпра у Лжичь[71].

Лжичи или Олжичи находились на одной сторонѣ съ Черниговымъ, что и подало поводъ Карамзину приписывать эти слова Черниговцу. Какъ же объяснить ихъ? Посредствомъ предположенныхъ нами записокъ: слова написаны спутникомъ Изяслава, соотвѣтственно мѣсту ихъ пребыванія, подъ Черниговымъ, слѣдовательно на сей сторонѣ.

Этотъ лѣтописатель вышелъ съ Володимеромъ изъ Вышгорода въ 1171 году, по взятіи Кіева Мстиславомъ.

---

[69] Татищевъ отъ его имени въ своемъ сводѣ пишетъ подъ 1147 годомъ. Игорь Ольговичь былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ. «Часто мнѣ случалось въ церквѣ съ нимъ пѣть, когда онъ былъ въ Владимірѣ». Но Игорь тамъ не живалъ, замѣчаетъ Карамзинъ, II, пр. 308, с. 185.

[70] Кар. II, пр. 35: [71] по Ипат. сп. с. 70 годъ 1152.

Третій былъ также Кіевлянинъ: 1180 г. былъ пожаръ въ Кіевѣ и загорѣлась церковь Софійская. Лѣтописецъ говоритъ «здѣсь», слѣдовательно онъ жилъ въ Кіевѣ, принадлежалъ къ Выдубицкому монастырю, что видно изъ послѣсловія Кіевской лѣтописи; онъ описывалъ, какъ мы видѣли, годы 1187, 1199, а можетъ быть и 1171.

Вотъ наши замѣчанія! Можетъ быть при внимательнѣйшемъ, филологическомъ разсмотрѣніи найдутся болѣе вѣрныя примѣты, и опредѣлится точнѣе, какъ число лѣтъ писателей, такъ и границы ихъ сочиненій.

Разсмотримъ теперь Кіевскую лѣтопись въ отношеніи къ ея содержанію.

Предметъ ея — Кіевскія происшествія, но есть извѣстія и о прочихъ, болѣе или менѣе относящихся къ Кіеву.

Спрашивается: Кіевскіе лѣтописатели, описывая свои происшествія по оффиціальнымъ запискамъ какъ описывали прочія происшествія — Новгородскія, Суздальскія, — по слухамъ, или по ихъ лѣтописямъ, — т. е. всѣ сіи лѣтописи въ какомъ отношеніи находятся между собою?

Для этого любопытнаго вопроса надо сравнить Кіевскую лѣтопись съ Суздальскою и Новгородскою. Дѣло, о которомъ не помышляла еще наша критика. Сравненіе должно начать съ того времени, какъ Володимерское княжество выступило на сцену и получило свою лѣтопись, то есть съ 1170 годовъ.

Кіевская лѣтопись представляетъ въ этомъ отношеніи сокращеніе или повтореніе Суздальской (которая слѣдовательно была въ рукахъ Кіевлянъ), описывая однакожъ отношеніе Владиміра къ Кіеву обстоятельнѣе: напр. взятіе Кіева Мстиславомъ 1174, назначеніе Романа Ростиславича Кіевскимъ княземъ и проч.

Наконецъ въ Кіевской лѣтописи есть извѣстіе о самомъ Владимірскомъ княжествѣ подробнѣйшее, чѣмъ въ Суздальской, напр. описаніе убіенія Андреева, 1175, представляетъ множество любопытныхъ подробностей, какихъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, напр.

«Идущимъ имъ къ ложницѣ его (убійцамъ) прія и́ страхъ.... и бѣшаше съ сѣній шедше въ медушю и пиша вино.... и тако упившеся виномъ, поидоша на сѣни.... пришедшимъ имъ къ ложници, и рече одинъ стоя у дверій: господине, господине! и князь рече кто есть? И онъ же рече: Прокопьи; и рече князь: о паробче, не Прокопьи!» и пр.

Сравнивъ оба повѣствованія, вы видите ясно, что объ этомъ происшествіи было особое сказаніе очевидца, которое Кіевскій лѣтописатель помѣстилъ въ своей лѣтописи почти сполна, а Владимирскій — сокращенно. Что Володимерецъ былъ очевидецъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ, также слишкомъ сокращенныхъ въ Суздальской лѣтописи:

«Ѳеодулъ игуменъ святоѣ Богородицѣ Володимерьской съ крилошаны и Володимерцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое, и вземше тѣло его привезоша Володимерю, со честью, съ плачемъ великымъ. И бысть по малѣ времени, *и поча выступати стягъ отъ Боголюбого* и людье не могоша ся нимало удержати, но вси возьяхуть, отъ слезъ же неможаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати[72].

Въ описаніи похода 1182 года на Болгаръ у Кіевлянина есть лишнія обстоятельства, чѣмъ у Владимірца.

«Бысть идущимъ по Волзѣ на Болгары, поидоша на мѣсто, идѣже островъ нарѣцаемый Исади, устье Цѣвцѣ; высѣдъ на берегъ, и ту оставиша всѣ посады и галѣ Бѣлозерьскій полкъ, оставиже у нихъ воеводу Ѳому Лазаковича, а другою Дорожая, то-бо бяшеть ему отнь слуга иныѣ воеводы оставиша и князи, когождо у своихъ людей[73].

Кіевская лѣтопись оканчивается въ извѣстныхъ намъ двухъ спискахъ 1200 годомъ[74]. Продолженіе ея, которое безъ сомнѣнія было, до сихъ поръ не отыскалось. Извѣстія о Кіевскихъ происшествіяхъ добавляютъ изъ Суздальской и Новгородской лѣтописей, въ коихъ онѣ вѣроятно сокращались по вышеписанному примѣру, а всего полнѣе кажется сохранилась она въ Воскресенскомъ спискѣ.

ВОЛЫНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ея есть у насъ только «отрывокъ», найденный и употребленный первоначально Карамзинымъ въ исторіи; начинается 1201 годомъ и оканчивается 1289. (Странно, что переписчикъ Кіевской лѣтописи началъ переписывать Волынскую съ того года, какъ кончилъ Кіевскую). Начало ея до сихъ поръ не отыскалось.

---

[72] с. 115; [73] с. 123.

[74] Это время было какимъ-то роковымъ въ нашихъ лѣтописяхъ: Кіевская лѣтопись по Ип. списку тутъ оканчивается, также Радзивиловскій списокъ, Софійскій временникъ до этого времени намѣревался довести свое повѣствованіе. Съ этого времени начинается Волынскій отрывокъ. Тогда-же было и взятіе Царяграда Крестоносцами, вошедшее въ наши лѣтописи и сборники.

Списковъ три, одинъ съ другаго списанныхъ, слѣдовательно, собственно говоря, одинъ Ипатьевскій.

Лѣтописателей было кажется два: одинъ жилъ около 1220 г. и чуть ли не принадлежалъ самъ къ военному сословію.

«Королеви-же ставшю во Звенигородѣ, и посла вои свои къ Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати къ Галичю: повѣдахуть бо ему волъхвы Угорьскыя, яко узрѣвшу Галичь, не быти ему живу; онъ же тоя ради вины не смѣя ити въ Галичь, яко вѣряшеть волъхвомъ; Днѣстру же наводнившюся, не могоша перейти. Мьстиславъ же выѣха противу съ полкы, *онѣмъ же позоровавшимъ насъ*, и ѣхаше Угрѣ во станы своя».

Эта догадка подтверждается еще извѣстіемъ подъ 1213 г.

«Мстиславъ подарилъ (Даніилу) коня своего борзаго *сиваго*. Масть лошади не замѣтилъ бы монахъ и не очевидецъ. Подъ этимъ же годомъ есть извѣстіе: Василь дьякъ, *рекомый* Молза, которое тоже показываетъ современность».

1224. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру, ко острову Варяжьскому. И пріѣха ту къ нимъ вся земля Половецкая и Черниговцемъ пріѣхавшимъ и Кіяномъ и Смолняномъ, инѣмъ странамъ, вся намъ по суху-же Днѣпръ перешедшимъ, якоже покрыти водѣ быти отъ множества людій.

Впрочемъ можетъ быть это послѣднее извѣстіе принадлежитъ особому сказанію о Калкской битвѣ, которое съ разными измѣненіями, вошло въ составъ всѣхъ лѣтописей и сборниковъ.

Другой, принадлежащій уже къ слѣдующему періоду, около 1289 г.

«Добръ зѣло послухъ», говоритъ онъ описавъ кончину Владиміра Васильковича, «*братъ твой Мстиславъ*, его же сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа.... иже нескончанна твоя учиняюще, аки Соломонъ Давыда.... всякою красотою украси, златомъ и сребромъ, и каменьемъ драгимъ, и сосуды честными; яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ сторонамъ, аки-же ина не обрящеться во всей полунощии земля, отъ востока и до запада. И славный городъ твой Володимерь, величествомъ акы вѣнцемъ обложенъ, преди люди твоя и городъ святѣй славный и скорѣй на помощь хрестьяномъ святѣй Богородицы. Возстани.... возведи очи, да видиши, какоя ти чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ *Мьстиславомъ. Возстани видь брата твоего, красящаго столъ земля твоея, ксемуже вижь и благовѣрную свою княгиню* како благовѣры держать по преданью твоему, како покланяться имени твоему.... *Радуйся учителю нашъ* и наставниче благовѣрья! и пр.».

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Осталось три списка: Лаврентьевскій продолжается до 1305 г.
Радзивиловскій » до 1206 г.
Троицкій » до 1419 г.

(Пропавшій при Французахъ Троицкій 1, оканчивался Едигеевымъ нашествіемъ 1409 г.)

Лѣтописателей для нашего періода было кажется два: одинъ описывалъ княженіе Боголюбскаго, жилъ въ 1175 г. (ибо видѣлъ его погребеніе); и при преемникѣ его Всеволодѣ (1176—1212), ибо, описывая кончину его, говоритъ:

«Молися (Андрей) Богу помиловати *князя нашего Всеволода*, своего и присная брата, да подастъ ему побѣды на противныя и много лѣтъ съ княгинею и съ благородными дѣтьми, и миру державу и царства»[75].

Вотъ еще мѣста, показывающія время его жизни: подъ годомъ 1176, описывая успѣхи Владимерцевъ въ ихъ распрѣ съ Ростовцами и Суздальцами, онъ говоритъ о сихъ послѣднихъ:

«Противящеся Богу, и Пречистой Его матери, и правдѣ Божіей, слушаще злыхъ человѣкъ и развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью, *граду* сему живущихъ *въ немъ*[76].

Здѣсь между прочимъ ясно, что онъ былъ Володимерецъ, равно какъ изъ описанія взятія Кіева въ 1169 году, гдѣ онъ говоритъ, что «Богъ наказалъ Кіевлянъ за грѣхи ихъ»[77].

Подъ годомъ 1180. «Сторожеве же Романовы перебродилися бяху чрезъ Оку и усрѣтошась съ *нашими* сторожи, и Богъ поможе нашимъ сторожемъ»[78].

Подъ годомъ 1185. Лѣтописатель описавъ поставленіе епископа Луки, говоритъ:

---

[75] Въ Лаврентьевскомъ спискѣ с. 158; въ Троицкомъ также, говоритъ Карамзинъ, III, пр. 24, а въ Радзивиловскомъ нѣтъ, чего по изданію г. Бередникова невидать.

[76] По Лаврентьевскому списку, с. 160.

[77] Карамзинъ замѣчаетъ, II, пр. 424: «слѣдовательно не былъ самъ Кіевлянинъ». Разумѣется: это мѣсто принадлежитъ Суздальской лѣтописи, которая говоритъ: «и за грѣхи ихъ», а Кіевская переправляетъ подъ 1171 годомъ — «за грѣхи наши».

[78] Въ Лаврентьевскомъ, с. 164; Въ Воскр. и Ник. нѣтъ «нашимъ»; слѣд. они писаны не во Владимірѣ. Ар. II, № 1363.

«*Молися за порученное тебѣ стадо,* за люди хрестьянскыя, за князя и за землю Ростовскую».

Подъ тѣмъ же годомъ о пожарѣ во Владимірѣ:

«Се же ся сдѣя грѣхъ ради нашихъ, яко умножишася грѣхи наши и неправды...... но *не предаждь насъ до конца*..... да аще еще створимъ всѣхъ грѣхъ прощени будемъ»[79].

Другой лѣтописатель, очень красноглаголивый, жилъ въ 1220 г. и далѣе.

«Се же писахомъ, да не наскакують нѣціи на святительскій санъ, но его же позоветь Богъ». Въ Ипат. это извѣстіе подъ 1172 г.

Въ 1227 году Марта 14, митрополитъ Кириллъ, находясь во Владимірѣ съ 4 епископами, поставилъ Митрофана игумена Бородицкаго, въ санъ святительскій, при великомъ князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Святославѣ, боярахъ и народномъ множествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ:

«Приключися *и мнѣ* грѣшному ту быти и видѣти дивна и преславна, и прославиша всемилостивѣйшаго Бога и В. К. Георгія[80].

1229. «Рожь не родися *по всей нашей земли* и дороговъ бысть жито[81].

1230. Разсказавъ о чудесныхъ знаменіяхъ, бывшихъ въ южной Россіи, лѣтописатель дважды свидѣтельствуетъ:

«Тако слышахомъ у *самовидцъ*, бывшихъ тамо въ то время[81].

1231. «Любовному ученью же и тщанью дивляся сего честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати; зѣло бо велье дѣло паче насъ всприіхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ въ притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый въ погибель будеть, послушливый же кромѣ ея будеть. Но паче молитвы своя подаждь ми, и въ крилу мѣсто раскрили сюду и онуду, простри къ Богу, яко же нѣкогда Моиси великый, онъ свои руцѣ простре, помогая Израилю въ полцѣ, да и изъ аерьскымъ духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси ти въ тихо пристанище введу, начиная бесѣду сдѣ яко истиньна есть повѣстьству.... Многобо попеченье створи о церкви святыя Богородици, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и преходя отъ дѣла въ дѣло».

---

[79] Вѣроятно онъ же писалъ и подъ 1169 г.

[80] Лавр. сп. с. 191. Кар. III, пр. 369, с. 112. сп. с. 192.

[81] Лавр. сп. с. 193.

(Ясно, что все это писано до втораго нашествія Татаръ, которое послѣдывало чрезъ пять лѣтъ).

Этотъ лѣтописатель жилъ и въ 1237 году. Описавъ нашествіе Батыево, онъ говоритъ:

«Створися велико зло Суждальской земли, якоже зло небыло, но отъ крещенья якоже бысть нынѣ. Но то оставимъ. .. О неизреченьному ти человѣколюбью! итако подобаеть благому Владыцѣ казати, о себѣ бо *и азъ грѣшный* много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вси дни. Но нынѣ на предреченая взидемъ»[82].

(Онъ пережилъ это время, что увидимъ въ 1239 году).

Какъ лѣтописатели Кіевскіе имѣли разныя преданія, или источники Суздальскіе для Суздальскихъ происшествій, кромѣ лѣтописей, такъ точно и лѣтописатели Владимірскіе, сокращая обыкновенно Кіевскую лѣтопись (сравнимъ напримѣръ описаніе кончины Нифонтовой подъ 1150) годомъ, заключаютъ иногда извѣстія о Кіевѣ такія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи, напримѣръ:

1125 г. Мономахъ скончался:

«На Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаньемъ многымъ. Жалостливо-же бяше отинудь и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь впидяшеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако мольбы ко Владыцѣ Христу со слезами воспущаше».

Ярополкъ, сынъ его погналъ Половцевъ «у Полкъ стѣпя».

1127. «Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Локнѣ».

1132. «Кыяне послаша по-нь (за Ярополкомъ по смерти Мстислава). Онъ же оставивъ брата Святополка въ Молотьестнѣ, и пріиде во Переяславль, на Госпожинъ день, Полочане же рекше: «лишается насъ» и выгнаша Святополка, а Василька посадиша Святославича. Видѣвъ же то Ярополкъ, удалися съ братьею, и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе съ нужею; тоеже зимы даша Изяславу Туровъ и Пинскъ къ Мѣньску то бо бяшеть его осталося передьнеѣ волости его».

1133. «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерскыѣ и отъ Смолиниска даръ; и тако хрестъ цѣловаша, и поча лишатися Вячеславъ Переяславля и дошедъ Городца воротися опять».

1138. «Людемъ съ митрополитомъ срѣтшимъ его (Вячеслава по смерти Ярополка)».

1146. «Совокупи Всеволодъ братью свою на Радосыни, и сложи путь съ Бориша дни на Володимера, и нарече оба Изяслава оставити дома».

---

[82] С. 198.

«И пришедъ (Изяславъ — по смерти его) ста на Желяни».

1147. «Изяславъ передъ собою посла къ брату Кыеву къ Володымеру и къ Лазареви къ тысячскому два мужа, Добрынку и Радила».

1148. «Приде Глѣбъ Гюргевичь изъ Суждала Чернигову, въ помочь Ольговичемъ, и пребывъ у нихъ нѣколико, приде на Городскъ».

Этихъ примѣровъ достаточно, что Кіевская и Суздальская лѣтописи дошли до насъ «не вполнѣ», а въ спискахъ, болѣе или менѣе сокращенныхъ: переписчики пропускали по усмотрѣнію разныя обстоятельства, коихъ теперь мы видимъ только слѣды Кіевскіе у Суздальскихъ и Суздальскіе у Кіевскихъ. Безъ Суздальской лѣтописи мы могли бы думать, что имѣемъ полную лѣтопись Кіевскую до извѣстнаго года, а теперь ясно, что она не полная, ибо въ ней нѣтъ иногда даже тѣхъ извѣстій, кои есть въ Суздальской. Тоже должно сказать и о сей послѣдней. Еще заключеніе: у Суздальскаго лѣтописателя или редактора былъ списокъ Кіевской лѣтописи не тотъ, который дошелъ до насъ, а полнѣйшій. У Кіевскаго также Суздальская лѣтопись другая.

ЛѢТОПИСЬ ПО ВОСКРЕСЕНСКОМУ СПИСКУ.

Объ этой лѣтописи нельзя говорить утвердительно еще болѣе. Мы не знаемъ, кто и какъ ее издалъ 1793 года, въ Петербургѣ, при Академіи наукъ; не знаемъ, съ какаго списка она издана и сколько есть еще ея списковъ. Послѣ очевидно позднѣйшихъ приложеній, она подъ заглавіемъ Софійскаго временника начинается Несторомъ, со вставленнымъ Василіевымъ сказаніемъ.

Точно тоже заглавіе Софійскаго временника имѣетъ другая лѣтопись, (изданная Строевымъ 1822 года). Спрашивается: которой принадлежитъ это названіе по преимуществу? г. Бередниковъ отдаетъ первой[83], кажется справедливо.

Вступленіе весьма важное, въ обоихъ одинаковое:

«Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, приклоните ушеса ваши разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, у како отбораняху Русьскыя земля, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти-бо князи не сбираху много имѣнія, ни творимыхъ виръ, ни продажъ въскладаху

---

[83] См. предисловіе къ 3 тому лѣтописей с. VII.

на люди; по оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющеся: братіе потягнемъ по своемъ князи и по Руськой земли. Нежадаху, мало ми есть, княже, с҃. гривенъ; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ и росплодили были землю Руськую. За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наша и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пишетьбо-ся: богатьство неправдою сбираемо, скоро извѣется. И паки: сбираеть и невѣсть кому сбираеть. И пакы: лучше малое праведнику, паче богатьство грѣшныхъ многа. Да отселѣ, братія возлюбленная моя, останемся отъ несытства своего; довольни будите урокы вашими. Яко и Павелъ пишеть: ему-же дань, то дань, ему-же урокъ, то урокъ; никому-же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, странно-любіемъ въ страсѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе сдѣвающе да и здѣ добрѣ поживемъ, а тамо вѣчнѣ и жизни причастници будемъ. Се-же таковая. Мы-же отъ начала Руськой земли до сего лѣта и вся поряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александра и Исакія».

Это вступленіе показываетъ, что первый редакторъ жилъ въ началѣ XIII вѣка, ибо Александръ и Исакій, до которыхъ онъ намѣревался довести свое сочиненіе, жили около 1203 года [84].

Спрашивается: какой лѣтописи принадлежитъ это вступленіе?

Не смотря на одинаковое заглавіе и вступленіе, лѣтописи совершенно различныя. Перевощиковъ говоритъ, «что Воскресенскій списокъ сходенъ съ Лаврентьевскимъ и Ипатьевскимъ подъ 1176 годомъ, а послѣ сего только съ Лаврентьевскимъ. Я сличалъ также Воскресенскій списокъ, и скажу, что въ срединѣ это есть чистая Кіевская лѣтопись, очень мало сокращенная (укажу для примѣра на 1151 годъ), за то въ другихъ мѣстахъ значительно распространенная и потому «весьма важна». Приведу въ примѣръ описаніе кончины митрополита Константина.

«Положиши оу святаго Спаса идѣже Игорь лѣжитъ Ярославичь втеремъци в сия-же г҃ дни въ Кievѣ солнце помрачися и боуря зѣлна бѣ и яко земли трястися и молънии блистанеи неможахоу человѣци трпѣти и громоу силну бывшоу яко единѣмъ шибаниемь зарази. з҃ человѣкъ, двое поповъ да діакона. и д҃ простьци: А Ростиславоу же тогда стоящу оу Вышегороды на полы. и полами боуря отнесьша шатеръ его. Ростославже наполнився страха божия и воспомяноу смерть митрополицию. возвѣщено бо бѣ ему преже

---

[84] Шлецеровъ Несторъ, III, с. 681. «Здѣсь разумѣются Алексѣй-ангелъ и отецъ его; слѣдственно до сего лѣта, относится къ 1203 году». Замѣчаніе Добровскаго.

того Святославомъ Олговичемъ. и посла ко святей Софии повелѣ и по всѣмъ церквамъ да творятъ стояние обнощь въ церквахъ».

«Себо грѣхъ ради нашихъ посла Богъ на насъ казнь сию. Сия же страшная вся во. Киевѣ быша, а въ Чернигове по вся г. дни солнцу. сияющу а в нощи видяху надъ тѣломъ его. г столпы огнены до небеси. егда же погрѣбено быть тѣло его и тогда бысь тишина повсюду: Того же лѣта. воеваша Половъци около Посова. и Долта. Июля кг и взяша душъ болѣ. и сотъ. тогда же о Котелнице воеваша и Соломницу взяша Мьстиславѣе княгини село».

Подождемъ изданій Археографической коммиссіи.

СОФІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ.

Изданъ Строевымъ. Лѣтописатель имѣлъ въ числѣ своихъ источниковъ Несторову лѣтопись съ Васильевымъ сказаніемъ, кои переписалъ почти безъ перемѣны, а для XII вѣка лѣтописи Кіевскую и Суздальскую, коими пользовался сокращенно и въ особенности Новгородскую. Изъ происшествій своего времени описалъ точно въ особенности Новгородскія. О Калкскомъ побоищѣ здѣсь подробнѣе другихъ. Впрочемъ имѣемъ много извѣстій лишнихъ или одинакихъ съ Никоновскимъ спискомъ, напр. объ Улебѣ, Ссолахъ, см. ниже.

ЛѢТОПИСЬ ПО НИКОНОВСКОМУ СПИСКУ.

Этотъ сборникъ осужденъ былъ слишкомъ строго и потому несправедливо Шлецеромъ, который имѣлъ въ виду въ своемъ Несторѣ только его начало, самую слабую его часть. Послѣдующіе изслѣдователи повторяли обвиненіе Шлецера. Но онъ принадлежитъ къ числу важныхъ источниковъ Русской исторіи, и достоенъ подробнаго критическаго разбора. Мы укажемъ здѣсь для примѣра только на нѣкоторыя его извѣстія, принадлежащія къ нашему періоду, въ коихъ нѣтъ никакой причины сомнѣваться, и кои не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ. Вспомнимъ, какъ доказалось извѣстіе о походѣ Улеба и желѣзныя ворота!

1055. «Клевета бысть на епископа Луку Жидяту, от своего холопа Дудика, в неподобныхъ речехъ. И изыде из Новагорода и іде х Кіеву, и осуди его митрополитъ Ефрѣмъ, по Дудикинымъ рѣчемъ, и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ: и пребысть тамо три лѣта».

1057. «Епископъ Лука Жидята принятъ престолъ свой в Новѣгороде свою власть. Холопу-же Дудѣке оскомины быша, урѣзаша ему носа, и обѣ рунѣ отсекоша, и побѣжаша в Нѣмцы: сице же и его лукавымъ совѣтникомъ Козмѣ и Домьяну достоіное воздаша по злодеянию ихъ».

1059. «Ходи Изяславъ на Ссолы, и дапь даяти заповѣда В' гривенокъ. Они-же поручившися, и изгнаша даники. На весну-же пришедше повоеваша о Юрьеве, и грады и хоромы пожгоша, и много зла сотворше, и до Пскова доидоша воююще. И идоша противу имъ Псковичи и Новгородцы на сѣчю, и паде Руси А', а Ссолъ безъ числа».

1068. «Иде Владыка Стефанъ въ Кіевъ, и тамо свои ему холопи удавиша его».

Соберемъ теперь всѣ наши заключенія:

Лѣтописи наши составлены изъ современныхъ оффиціальныхъ извѣстій.

Лѣтописатели отличаются правдивостію, безпристрастіемъ, благочестіемъ, любовію къ отечеству, нравоучительностію, имѣютъ въ извѣстномъ отношеніи образованность.

Несторъ писалъ до 1111 года.

Современникъ его Василій описалъ ослѣпленіе кн. Василька Теребовльскаго со всѣми обстоятельствами.

Сильвестръ игуменъ Михаиловскаго монастыря въ Кіевѣ переписалъ Несторову лѣтопись въ 1116 году.

(Василіево сказаніе вставилъ вѣроятно онъ; а можетъ быть самъ Несторъ, Василій или первый переписчикъ).

Этотъ списокъ сдѣлался родоначальникомъ тѣхъ, которые до насъ дошли.

Первый продолжатель Несторовъ, не Печерскій инокъ, писалъ вѣроятно до 1130 годовъ;

Второй, Кіевлянинъ, до 1170.

Третій, Кіевлянинъ, до 1200.

Несторова лѣтопись не сохранилась въ цѣлости. Нѣтъ слѣдовъ, чтобы у кого нибудь была она, начиная съ древнѣйшихъ переписчиковъ XIII вѣка.

Едва ли можетъ найтиться и впредь.

Списковъ съ Несторовой лѣтописи съ Васильевымъ сказаніемъ осталось три: Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Ипатьевскій.

Кіевская лѣтопись дошла до насъ болѣе или менѣе сокращенная, и безъ конца.

Дополняется она Суздальскою и Новгородскою, и въ особенности по Воскресенскому списку.

Списокъ ея имѣемъ одинъ Ипатьевскій, съ котораго списаны Хлѣбниковскій и Ермолаевскій.

Волынской лѣтописи дошелъ до насъ одинъ отрывокъ съ 1200 до 1280 г. безъ начала и конца, и одинъ его списокъ въ Ипатьевскомъ кодексѣ.

Суздальская лѣтопись дошла до насъ также болѣе или менѣе сокращенная.

Лѣтописателей было два: одинъ жилъ при Всеволодѣ и описалъ житіе Андрея и Всеволода, а другой пережилъ и Батыево нашествіе.

Списковъ два: Лаврентьевскій и Радзивиловскій.

Что бы привести дѣло въ ясность, совѣтую я молодымъ друзьямъ исторіи, которые любятъ науку для науки сравнить, по предложеннымъ указаніямъ «изъ года въ годъ» лѣтописи Кіевскую, Суздальскую, Новгородскую по Воскресенскому списку, Софійскій временникъ, Никоновскій сборникъ и Татищева[85].

Механическій пріемъ употреблять вотъ какой: переписать на особыхъ четверткахъ каждый годъ порознь изъ всѣхъ означенныхъ лѣтописей. Переписавъ, положите ихъ рядомъ, и вы увидите, что принадлежитъ всѣмъ, что одною заимствовано у другой, что гдѣ распространено, что сокращено и пр. Послѣ, въ печати, все это можно свести во едино, отличая разными шрифтами и курсивами принадлежность извѣстій.

---

[85] Однѣ лѣтописи идутъ противъ другихъ впередъ годомъ или двумя — это надо принять въ соображеніе.

Тогда откроется всего яснѣе, сохранилась ли гдѣ нибудь чистая Несторова лѣтопись, сколько есть списковъ Сильверстовскихъ, имѣемъ ли мы полную и цѣлую лѣтопись Кіевскую и Суздальскую, въ какомъ отношеніи находился къ нимъ первый Софійскій временникъ, или такъ называемая лѣтопись по Воскресенскому списку, какой списокъ ихъ оставшійся, или потерянный, находился у его редактора, какъ и когда составился Строевскій Софійскій временникъ, которому времени принадлежитъ составленіе Никоновскаго сборника, какія именно лѣтописи поступили въ число его матеріаловъ, что именно было у Татищева, Щербатова; тогда откроются живые слѣды лѣтописей потерянныхъ.

ИСТОЧНИКИ

для

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

сочиненіе

М. ПОГОДИНА.

Одесса,

въ городской типографіи.

1848.

ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Погодина.

ОДЕССА,

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

(Изъ 2-го тома Записокъ Исторіи и Древностей).

ИСТОЧНИКИ

для

УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЛѢТОПИСИ.

I.

Какіе источники есть у насъ для удѣльнаго періода отъ 1054 до 1224 года?

Этотъ періодъ въ «разнообразіи» источниковъ уступаетъ первому: иностранцевъ, современниковъ и очевидцевъ, какихъ много мы могли указать въ періодѣ Норманскомъ, почти нѣтъ. Нѣсколько извѣстій объ Изяславѣ и Святославѣ у Ламберта Ашаффенбургскаго и Зигберта Гемблурскаго, нѣсколько извѣстій о бракахъ и т. п., письмо Григорія VII къ Болеславу — вотъ все, что намъ осталось.

За то домашніе источники становятся обильнѣе, и вмѣстѣ достовѣрнѣе:

Лѣтописи — Несторова, Кіевская, Волынская, Суздальская, Новогородская, житія Святыхъ, грамоты, сказанія.

Будемъ говорить о каждомъ источникѣ порознь.

Начинаемъ съ лѣтописей.

Разсматривая внимательно лѣтописи, мы видимъ, что онѣ «писаны современниками изъ года въ годъ». Вѣрнѣе сказать: происшествія записывались.

Возьмемъ для примѣра какой нибудь годъ:

1141. «Приведена бысть дщи Всеволожа въ Ляхы. *Въ тоже лѣто* поставиша епископа Переяславлю именемъ Еуѳимья. *Сего же лѣта* преставися у Галичи Васильковичь Иванъ, и прія волость его Володимерко Володаревичь, сѣде во обою волостью княжа въ Галичи. *Сего же лѣта* слышавше Новгородци, оже пріялъ Всеволодъ братью ихъ, и не стерпяче безъ князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже, и послаша Гюргеви мужи своя, и поиша Ростислава Гюргевича, и посадиша, Новгородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца; и про то разгнѣвася Всеволодъ, зая Городецъ Вѣстрьскыіі. Бѣжащю же Святославу изъ Новагорода, идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу ему и рече: «брате! пойди сѣмо»; Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба, и неуладися съ нимъ о волостехъ, иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣгородѣ сѣдя Сѣверьскѣ. *Въ тоже время* Всеволодъ, разлучивая съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлъгородъ. *Тое же зимы* преставися благовѣрный князь Андрей Володимеричь у Переяславли, мѣсяца Генваря въ 23 день, а въ 23 похороненъ бысть у святаго Михаила; егдаже несяхуть и́ къ гробу, предивно знаменіе бысть на небеси: быша три солнца съяюче межи собою, а столпи тріе стояще отъ земля до небеси, и надо всими горѣ бяше яко дуга мѣсяць, особь стояче — и стояша знаменія та доньдеже похорониша и́. *Въ тоже время* поима Всеволодъ городы Гюргевѣ, конѣ, скотъ, овцѣ, и кдѣ чьто чюя товаръ, *Въ тоже лѣто* ходи Игорь къ Чернигову на Давыдовича, и сътвориста миръ. *Въ сеже лѣто* преставися Всеволодъ Городеньскій. *Въ тоже лѣто* посла Изяславъ къ сестрѣ своей рече: «испроси ны у зяте Новгородъ Великый брату своему Святополку; онаже тако створи»[1].

Спрашивается: можно ли всѣ эти разнообразныя происшествія упомнить и записать спустя долгое время? Самое расположеніе, ходъ рѣчи, (въ «*се*» же лѣто, въ «*то*» же лѣто и пр.), показываютъ, что онѣ вносились немедленно по совершеніи.

1111 г. «И поидоша въ 2 недѣлю поста, а въ *пятокъ* быша на Сулѣ; въ *суботу* поидоша и быша на Хоролѣ, ту и сани пометаша; *а въ недѣлю* (воскресенье) поидоша, въ нюже хрестъ цѣлують, и приідоша на Пслъ, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ и ту пождаша вои, и оттудѣ двидоша Вързскла, туже *завътра*, въ среду, хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ, со многими слезами; и оттудѣ преидоша многи рѣки въ 6 недѣлю поста

---

[1] Лѣт. по Ипатьевскому списку, въ «Полномъ собраніи Русскихъ Лѣтописей». СПб., 1843. т. II, с. 17.

и придоша къ Донови *въ вторникъ*..... и *завътра, въ среду*, поидоша въ Сугрову.... а *въ четвергъ* поидоша съ Дона, а *въ пятницю* завътра, мѣсяца Марта въ 24 день, собрашася Половци.... (произошло сраженіе)..... и поможе Богъ Русскымъ княземъ..... и заутра *Суботѣ* наставшѣ праздноваша Лазарево Въскресенье и Благовѣщенья день, и похваливше Бога проводиша суботу, и въ *недѣлю* прідоша. Наставшю же *понедѣльнику* страстныя недѣли и пр. Якоже и се съ Божьею помощью, молитвами Св. Богородица и святыхъ Ангелъ възвратишася Русьстіи князи въ своясп..... на славу Богу, всегда и нынѣ и присно во вѣки аминь. Тогоже лѣта преставися княгини Всеволожая».....

Ясно, что лѣтописатель описавъ по днямъ походъ на Половцевъ и остановился, а потомъ внесъ новое происшествіе [2].

Годы 1146, 1147, 1148, 1149, 1150, 1151, 1152 и пр., заключающіе по сотнѣ мелкихъ происшествій со множествомъ переходовъ князей съ мѣста на мѣсто и безпрестанною перемѣною ихъ отношеній, не могли быть описаны на память [3].

Иногда означается не только день происшествія, но и часъ:

1158. «Бысть же преставленіе ея (супруги Ярополка Святополковича) мѣсяца Генваря въ 3 день, *а въ часъ 2 нощи*, а въ 4 вложена въ гробъ» [4].

1177. «Преставися Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ суботу, *заходящю солнцю* Іюня мѣсяца въ 20 день, на память и пр. [5].

1190. «Тогоже лѣта у Великаго князя Всеволода родися сынъ *до заутренья* святаго Дмитрѣя дне, и аменинныже тогда бяхуть; Всеволодъ же велѣ учинити сынови своему во свое имя Димитрѣй» [6].

Для внимательнаго и опытнаго глаза есть и особыя примѣты такого немедленнаго записыванья, напр.

1116. «Володимеръ вся Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву. *Томъ же лѣтѣ* преставися Глѣбъ въ Кіевѣ Всеславичь, Сентября въ 13».

Если бы происшествія не записывались немедленно, то эти два извѣстія не были бы раздѣлены повтореніемъ выраженія: «томъ-же лѣтѣ».

Итакъ происшествія записывались немедленно — вотъ наше первое положительное заключеніе.

---

[2] Ип. сп. с. 2. [3] См. лѣтопись по Ип. списку. [4] Тамъ же, с. 82. [5] Лѣт. по Лавр. сп. с. 161. [6] С. 172.

Продолжаемъ разсматриваніе лѣтописей.

Есть ли въ нихъ промежутки между годами, то есть, есть ли годы неописанные?

Нѣтъ.

Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ; слѣдовательно было возлагаемо всегда на извѣстное лице, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было некому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро. Слѣдовательно лѣтописи наши имѣли «характеръ оффиціальный».

Вотъ второе заключеніе, выводимое нами изъ разсматриванія лѣтописей.

Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ?

Есть. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но безъ сомнѣнія могутъ быть отнесены и къ древности.

Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ считаю я слѣдующее. Лѣтописецъ описавъ подъ 1409 годомъ нашествіе Едигеево на Москву, прибавляетъ:

«И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже толико отъ случавшихся въ нашей землі не сладостная намъ и неуласканная изглаголавшимъ, но взустительная и к ползе обрѣтающаяся, и возставляющая на благая и незабытная; мы бо не досажающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ таковая вчинихомъ, якоже-бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Киевскаго, иже вся временна бытства (*) земская необинуяся показуетъ, *но и первиі наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати*, да и прочиі по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасе онаго великаго Селиверстра Выдобычскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилѣжно, да почетъ вочнеши — .... мы же симъ учащееся таковая вся прилучившаяся во дни наша непроминухомъ *властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ*, да таковымъ вещемъ разсуженіе разсудно да разсужаютъ, и лучшая и благая да избираютъ, юнніиже старцовъ да почитаютъ, и сами едины безъ искуснѣйшихъ старцовъ всякого земского правленія да несамочинствуютъ. Красота убо граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сединами сущихъ; есть же и старость не многолѣтна а честна по Соломану, седина бо есть, рече, мудрость человѣкомъ і возрастъ старости житие нескверно»[7].

(*) Положимъ слово это не совсѣмъ хорошо, но неужели варварскій фактъ лучше?

[7] Лѣт. по Никонову списку V, с. 28, 29.

И такъ лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. «Вся добрая и недобрая прилучившаяся» приказывали они записывать. «Подражая старшимъ нашимъ предшественникамъ», говоритъ лѣтописецъ, «мы описываемъ все по правдѣ, предъ очами нашихъ князей, прилежно намъ внимающихъ».

Послѣ этого свидѣтельства о XII вѣкѣ (Мономахъ † 1125) находимъ въ XIII столѣтіи слѣдующее показаніе, которое можетъ быть и не относится сюда-же:

Мстиславъ Васильевичъ въ грамотѣ своей говоритъ:

«А вписалъ есмь въ лѣтописець коромолу ихъ[8] (жителей Берестья).

1241. Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, посланъ Даниломъ княземъ (Романовичемъ Галицкимъ) исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю»[9].

Кстати приведемъ здѣсь слѣдующее мѣсто, изъ коего видно, что лѣтописи представлялись князьямъ:

1200. Лѣтописецъ, описавъ построеніе каменной стѣны подъ Выдубецкою церковію, обращается къ самому строителю В. К. Рюрику Ростиславичу:

О христѣ державно милосердуя о всѣхъ, *по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе пріими,* акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелій: въ газъфулакію бо княженія твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица она двѣ мѣдницѣ, прочее на милость твою надѣющеся слову ятися о Господѣ дерзаемъ. И тоже не отъ скудости нашего нищетоумья, но отъ дѣлъ твоихъ притчю пріобрѣтше, глаголемъ» и пр.

Изъ начала XV вѣка мы имѣемъ свидѣтельства объ оффиціальномъ такъ сказать употребленіи лѣтописей:

1432 г., на судѣ предъ Ханомъ:

«Князь великій Василій Васильевичъ по отечеству и по дедеству искаше стола своего князь же Юрій Дмитреевичъ, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовную отца своего»[10]. . . . .

1471 г. Иванъ Васильевичъ, отправляясь въ походъ противъ Новгородцевъ:

---

[8] С. 223. [9] Лѣт. Вол. по Ип. сп. с. 179. [10] с. 110.

«Испроси у матери своей, у великой княгини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго воротити лѣтописцемъ Русскимъ: егда, рече, приидутъ и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны давные, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ»[11].

Наконецъ изъ описи царскаго архива (1575—1584) видно, что въ ящикѣ 224 находилось:

«А въ немъ списки, *что писати въ лѣтописецъ*, лѣта новыя приибраны отъ лѣта 7068 (1560) до лѣта 7074 (1566) и до 76»[12].

И такъ лѣтописи наши оффиціальны, что касается до наружнаго ихъ происхожденія.

Съ котораго времени начинается ихъ такой оффиціальный характеръ. Откуда произошелъ такой обычай?

Начало этого обычая, ведущагося безпрерывно въ продолженіи нашего періода, современно, думаю, первымъ князьямъ, которые принесли его, разумѣется, изъ своей родины.

Вспомнимъ, что мы прежде говорили о необходимости записокъ до Нестора[13]. Безъ всякаго сомнѣнія онѣ продолжались при немъ, послѣ него, и до позднѣйшихъ временъ, служа главнымъ матеріаломъ для лѣтописателей.

Имъ-то собственно и принадлежитъ оффиціальное достоинство въ составѣ лѣтописей.

Лѣтописатели жили въ монастыряхъ, а записки велись при князьяхъ, даже въ походахъ, что ясно видно изъ описанія вышеприведенныхъ лѣтъ 1147 и прочихъ.

На кого возлагалось князьями веденіе записокъ, не могу сказать рѣшительно а укажу только, что свидѣтельство о «дьякахъ княжихъ» мы находимъ уже въ XII вѣкѣ.

1169. «И пріѣха Мьстиславъ у Печерьскій манастырь, и за нимъ Володимиръ пріѣха, и повелѣ ему съсѣсти въ икономли кельи, а самъ съсѣде въ игумени кельи; и посолавъ къ нему Мьстиславъ и рече: «брате! что дѣля еси пріѣхалъ? а язъ по тя не посылалъ».

---

[11] Соф. временникъ, т. II, с. 102. [12] Акты. Арх. Комм., т. I, стр. 354. [13] См. Изслѣдованія мои, т. I, с. 91.

И прися Володимиръ *дьячка Имормыжа*, рече: «брате! слышалъ есмь оже суть молвили на мя злыи человѣци».

Подъ 1213 г. упоминается «Василь дьякъ, рекомый Молза».

Записки не прерывались, а между лѣтописателями бывали промежутки. Вотъ почему одни годы описаны подробно, другіе кратко. Послѣдніе принадлежали запискамъ, коихъ, почему бы то ни было, не могли распространять лѣтописатели, не зная, что объ нихъ сказать болѣе[14].

Теперь будемъ говорить о внутреннемъ достоинствѣ лѣтописей: онѣ «вѣрны». Что̀ записывалось, то записывалось какъ было, кратко, просто, ясно, безъ украшеній, безъ мудрствованій лукавыхъ, безъ разсужденій, развѣ благочестивыхъ, принадлежащихъ уже къ лѣтописателямъ. До самаго XVI вѣка вы не найдете пяти показаній невѣрныхъ или умышленныхъ, и въ этомъ драгоцѣнномъ свойствѣ состоитъ ихъ отличіе отъ Западныхъ Хроникъ, наполненныхъ сказками.

Они «безпристрастны», и совершенно одинаковымъ тономъ разсказываютъ похвальныя дѣйствія своихъ князей, какъ и поносныя, не стараясь никогда ни оправдывать никого, ни обвинять: разсмотрите сказаніе ихъ объ Изяславѣ, или Всеволодѣ, или Боголюбскомъ — чистая правда, однѣ дѣла! Точно то-же должно сказать объ нихъ и въ отношеніи къ иностранцамъ: какъ прославляютъ они, напримѣръ, Крестоносцевъ, положившихъ животъ свой для освобожденія Гроба Господня[15]!

Они «благородны», совершенно независимы, и учатъ князей наравнѣ съ простолюдинами:

«Да мы-же симъ учащеся таковая вся прилучившаяся во дни наша не премину хомъ властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ, и прилежно внимающихъ, да таковымъ вещамъ разсуженіе разсудно да разсужаютъ, и лучшая и благая да избираютъ, юнии же старцовъ, да почитаютъ и сами едины безъ искуснѣйшихъ старцовъ всякого земскаго правленія да несамочинствуютъ[16]».

Вотъ какъ случается говорить и объ архіереяхъ:

---

[14] Выраженія «до сего дне, кдѣ нынѣ» и тому подобное принадлежатъ лѣтописателямъ или переписчикамъ, напр. годъ 1115.... «Поставиши я (мощи св. Бориса и Глѣба) въ комору на десной странѣ, кдѣ нынѣ лежита». Въ современныхъ запискахъ такихъ выраженій разумѣется быть не могло.

[15] Лѣт. по Ип. сп., с. 139. [16] Лѣт. по Никон. списку, с. 28.

1169 «Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица Володимерьская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго льстеца; лжаго владыку Феодорца, изъ Володимеря отъ Святыя Богородиця церкве Златоверхыя, и отъ вся земли Ростовскія. Сеже списахомъ, да не паскакають нѣціи на святительскій санъ, но его-же позоветъ Богъ»[17].

Убіеніе народомъ Игоря Всеволодовича описываютъ слѣдующимъ образомъ:

1147. «Опиже устремишась нань, яко звѣрье свѣрьпіи..... лукавый нечестивый сборъ».

Лѣтописатели наши «благочестивы»: всѣ успѣхи, по ихъ мнѣнію, зависятъ отъ помощи Божіей и принадлежатъ молитвамъ угодниковъ.

1111 г. «Ангелъ вложи Володимеру въ сердце (звать князеіі на Половцевъ)..... Падаху Половци..... невидимо бьеми ангелами съ Божьею помощію, молитвами святая Богородица и святыхъ Ангелъ возратишась Русьстіи князи»[18].

1173. «Заступи очевисто отъ поганыхъ святая Богородица и хрестьянская молитва»[19].

1185. «Святославъ же и великій князь Рюрикъ побѣду пріемша, молитвою мученника Бориса и Глѣба, и поидоша кождо въ своясп, славяще Бога въ Троицѣ, отца и сына и святаго духа»[20].

Всѣ несчастія приписываютъ они грѣхамъ людскимъ, дѣйствіямъ злаго духа, и безпрестанно повторяютъ:

«Сиже вся содѣявшась грѣхъ ради нашихъ»[21].

1187. «Бысть болѣсть сильна въ людехъ велми, ни бяше бо ни одного же двора безъ болнаго, а въ иномъ дворѣ не кому бяше на воды ходити. Богъ бо казнилъ рабы своя напастьми различными, водою и огнемъ и болѣзнми тяжкыми. Но обаче надѣемся на милость великаго Бога, кажетъ ны добрѣ благыіі Владыка, но по безаконью нашему сотвори намъ, ни погрѣхомъ нашимъ воздастъ намъ человѣколюбецъ».

Ни одного случая не пропускаютъ они, чтобы не присоединять наставленія на пользу души.

«Виждьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ», говорятъ они, описавъ неожиданное избавленіе Мономаха отъ опасности, «на смиренныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиреннымъ же даетъ благодать»[22].

Или о С. С. Борисѣ и Глѣбѣ:

---

[17] Лѣт. по Лавр. сп. с. 151, 152, по Ип. сп. с. 102. [18] Лѣт. Кіевс. по Ип. сп. с. 3. [19] с. 3. [20] с. 107. [21] с. 129. [22] По Ипат. сп. с. 9.

«Похвала князема нашима и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопама его изволиста шествовати, овчатѣ Христовѣ добріи, яже влекома на заколеніе не противистася, ни обѣжаста нужныя смерти; тѣмъ же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ исцѣленія пріемша отъ Спаса нашего Исуса Христа неоскудно подаваета недужнымъ, съ вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему»[23].

Или о жизни епископа Өеодорца.

«И сбышася слово Евангельское на немъ глаголющее: ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ, имъ же судомъ судите, судится вамъ, судъ бо безъ милости не сотворшему милости».

«Любятъ отечество», при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ о Русской землѣ и отъ души прославляютъ тѣхъ князей, которые дѣлали добро ему. Напр.

«Преставися благовѣрный князь христолюбивый и великый князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Рускую землю, акы солнци луча пущая; его же слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець *и добрый страдалець за Рускую землю.* Святители же жаляще си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людіе..... яко же дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людіе и сынове его»[24].

1149. Лѣтописатель произноситъ обѣты, дабы

«Земля Русская расплодилася и размножилась въ братолюбіи Князей».

Они имѣютъ «образованіе»: знакомы очень хорошо съ священнымъ Писаніемъ, и приводятъ часто мѣста изъ него, имѣютъ историческія и богословскія свѣдѣнія и въ особенныхъ случаяхъ заботятся объ украшеніи своей рѣчи; прочтите, напримѣръ, заключеніе Кіевской лѣтописи.

---

[23] Лѣт. по Ип. с. 6 и 7. [24] с. 10.

Говоря о внушеніи Мономаху ангеломъ мысли идти на Половцевъ, лѣтописатель предлагаетъ выписки изъ Златоуста, Епифанія-Кипрскаго и Ипполита[25], приводитъ примѣры знаменія изъ исторіи Іерусалима[26], дѣлаетъ выписки изъ хронографовъ:

«Ащели кто сему вѣры не имать, да почтетъ хронографа»[27].

Описывая преемство князей, рожденіе и смерть ихъ, междуусобныя войны, набѣги иноплеменниковъ, походы, строеніе церквей, посвященіе епископовъ и кончины ихъ, знаменія небесныя, — не вникая никогда въ причины дѣйствій, — не предлагая никакихъ извѣстій о частной жизни, — лѣтописатели наши вообще «сухи и однообразны». Но опытный, тщательный и проницательный изслѣдователь найдетъ въ нихъ многія драгоцѣнныя черты, нечаянно проведенныя или намѣченныя, по коимъ можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, воспроизвести очеркъ времени. Оживить его предоставляется историку-художнику, носящему въ груди даръ творческаго искуства.

Вотъ общія замѣчанія о лѣтописяхъ нашихъ и объ ихъ главныхъ свойствахъ.

Какъ въ изслѣдованіяхъ перваго періода я говорилъ, что всего важнѣе вопросъ о времени сочиненія и степени достовѣрности первой лѣтописи, отнесенной нами къ 11 вѣку, а вопросъ объ имени лѣтописателя и пр. составляетъ болѣе предметъ любопытства, — такъ и теперь скажу: лѣтописи наши современны, оффиціальны, вѣрны, — вотъ главное! Раздѣленіе ихъ, опредѣленіе границъ, времени, — это уже вопросы частные, второстепенные; но не станемъ уклоняться и отъ нихъ, и скажемъ что можно.

---

[25] С. 105. [26] С. 3 и 375. Г. Бередниковъ отнесъ выписки, неизвѣстно почему, изъ текста въ особое приложеніе. [27] С. 5.

II.

Какія именно лѣтописи есть у насъ для удѣльнаго періода?

Несторъ, старый другъ нашъ, является здѣсь, прежде всѣхъ, современнымъ свидѣтелемъ, и доставляетъ намъ свѣдѣнія о княженіяхъ Изяслава, Святослава, Всеволода, Святополка.

Это время принадлежитъ къ началу лѣтописей, сходному во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, есть часть его и составляетъ съ нимъ одно цѣлое, одно сочиненіе, которому посвященъ нами подробный разборъ, и слѣдовательно здѣсь распространяться вообще объ немъ не нужно.

Здѣсь мы должны разобрать только — до котораго года собственно писалъ Несторъ, и съ котораго года начинаются труды его продолжателей?

Изслѣдователи надѣялись получить окончательный, или покрайней мѣрѣ приблизительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ предисловіи къ полному изданію Русскихъ Лѣтописей, въ коемъ обѣщалъ намъ нѣсколько разъ г. Бередниковъ рѣшить все дѣло о лѣтописяхъ. Съ такою надеждою оставилъ и я въ разсужденіи о Несторѣ вопросъ, «гдѣ пересталъ онъ писать», вмѣстѣ съ другими частностями, отзываясь, что «не могу сказать о немъ своего мнѣнія, безъ короткаго знакомства со всѣми списками»[28].

Ожиданіе не исполнилось: обѣщанное г. Бередниковымъ разсужденіе умѣстилось на десяти страницахъ, и въ немъ мы не узнали ничего не только о происхожденіи лѣтописей, но не получили даже простаго описанія списковъ[29]. Еще болѣе — своими странными заглавіями[30] и разбросанными, безъ всякой системы, замѣчаніями[31] издатель привелъ насъ въ совершенное замѣшательство,

---

[28] См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи мои о Русской Исторіи. М. 1846, томъ I, с. 226.

[29] При иныхъ не означено даже, до котораго года они простираются, см. ниже.

[30] Извѣстно, что г. Бередниковъ вздумалъ называть лѣтописи по именамъ писцевъ и владѣльцевъ, отъ чего явились у него лѣтописи Лаврентьевская (по имени монаха писца), Радзивиловская (по имени хозяина), Ипатьевская (по имени монастыря, гдѣ найдена), Хлѣбниковская (по имени хозяина); скрылись изъ виду лѣтописи Кіевская, Волынская, Суздальская, — и смѣшались сочиненія со списками: Лаврентьевская лѣтопись и Лаврентьевскій списокъ!! и т. п.

[31] Примѣры будутъ показаны въ продолженіи разсужденія.

подалъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ, и прибавилъ изслѣдователямъ много лишняго труда.

Намъ остается теперь только изъ его предисловій, замѣчаній Карамзина и Перевощикова, самихъ изданій, старыхъ и новыхъ, извлечь заключеніе о положеніи дѣла, in statu quo, и указать будущимъ изслѣдователямъ и издателямъ главные пункты, на которые должно имъ обращать вниманіе.

Прежде всего представляется вопросъ: сколько имѣемъ мы списковъ Нестора, по коимъ можно разсуждать о немъ?

Повѣрятъ ли читатели, что до сихъ поръ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта и на этотъ простой и однакожъ неизбѣжный вопросъ!

Шлецеръ первый пустилъ молву, что списковъ осталось множество. Послѣ него, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, его слова повторялись безпрестанно, и сдѣлались общимъ мѣстомъ въ нашей исторической литературѣ.

Археографическая коммиссія объявила о ста пятидесяти слишкомъ спискахъ, и нѣсколько разъ повторяла о сводномъ изданіи, но въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, оказался Несторъ, сравненный только по пяти спискамъ [32], которые суть:

«Лаврентьевскій», древнѣйшій, на пергаментѣ въ большую четвертку, уставомъ и полууставомъ разныхъ почерковъ, писанъ «мнихомъ Лаврентіемъ» для Суздальскаго князя Димитрія Константиновича, въ 1380 году, съ продолженіемъ до 1305 года. Онъ же называется Пушкинскимъ, по имени прежняго владѣльца.

«Радзивиловскій» на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ XV или начала XVI вѣка, съ рисунками, съ продолженіемъ до 1200 года (называется такъ, по имени бывшаго владѣльца, а «Кенигсбергскимъ» по городу, гдѣ послѣ хранился и откуда взятъ).

«Ипатьевскій», на бомбицинѣ, въ листъ, разными почерками, конца

[32] Это я предусматривалъ, и еще въ 1838 году написалъ: «судя по видѣннымъ мною образцамъ, изданіе будетъ имѣть много отличныхъ качествъ, хоть я и не одобряю плана. По моему, для удовлетворенія текущей потребности, надобно издать три-четыре списка, какъ они есть, т. е. Лаврентьевскій, Ипатьевскій.... а изданіе со всѣми варіантами, — трудъ, требующій много времени, опыта, искуства, — могло бы послѣдовать послѣ». Такъ и вышло. Издатели увидѣли, что по 50 спискамъ издавать теперь нельзя, но не надобы и по пяти, а порознь.

XIV или начала XV вѣка, съ продолженіемъ до 1292 года (называется такъ по имени Костромскаго монастыря, гдѣ былъ найденъ).

«Хлѣбниковскій» на лощеной бумагѣ, въ листъ, уставомъ XVI вѣка, съ продолженіемъ до 1292 г. (называется такъ по имени владѣльца).

«Троицкій» на бумагѣ (?) въ четвертку, полууставомъ, XV вѣка, съ продолженіемъ до 1419 г. (называется такъ по монастырю, которому принадлежитъ [33]).

Разсмотримъ ихъ:

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1097 годомъ встрѣчаемъ мы пространное извѣстіе объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя Василька Ростиславича со многими предыдущими и послѣдующими обстоятельствами, которое явно принадлежитъ не Нестору [34], ибо въ срединѣ его сочинитель является самъ дѣйствующимъ лицемъ, и даетъ намъ знать о своемъ имени:

«Да се, Василю, шлю тя», говоритъ ему виноватый Давидъ Игоревичъ, «иди къ Василькови, *тезу своему*..... и молви ему тако».

Слѣдовательно, заключаемъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторова лѣтопись смѣшана, совокуплена съ современнымъ сказаніемъ какого-то Василія.

Потому-то и повторяются здѣсь именно около этого сказанія подъ разными годами однѣ и тѣ-же извѣстія:

«1097. А на лѣто 2-е, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ и Олегъ привабиша Давида Игоревича, и недаша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, въ немже и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава [35].

А потомъ это-же событіе является гораздо подробнѣе подъ 1100 г. съ слѣдующимъ окончаніемъ:

---

[33] Напрасно г. Бередниковъ назвалъ его Троицкимъ 1-мъ; какой-же Троицкій 2-й? Уже лучше бы для ясности назвать его вторымъ или новѣйшимъ, а сгорѣвшему оставить извѣстное между знатоками имя Троицкаго перваго, или харатейнаго, или древнѣйшаго.

[34] А г. Бередниковъ ставитъ въ заглавіи надъ этими страницами безъ всякой оговорки: «древній текстъ Несторовой лѣтописи»!

[35] Полное собраніе лѣтописей, т. I, с. 116.

И по семъ вдастъ Святополкъ Давидови Дорогобужъ, въ немъ же умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу»[36].

Такъ-же подъ 1098 г.

«Приде Володимеръ, и Давидъ и Олегъ, по Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, яко же и въ прежнее лѣто сказахъ»[37].

Прежде это происшествіе расказано гораздо подробнѣе въ сплошномъ повѣствованіи, разумѣется Василіевомъ[38], равно какъ и слѣдующее:

1099 г. «Изыде Святополкъ на Давида къ Володимерю, и прогна Давида въ Ляхвъ. Въ се же лѣто побьени Угри и Перемышцы. Въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ сынъ Святополчь»[39].

Изъ всѣхъ сихъ двойныхъ извѣстій одно принадлежитъ Нестору, другое разумѣется не ему[40].

Наконецъ поученіе Мономахово, помѣщенное среди 1096 года[41] въ разрѣзъ сказанія о разныхъ племенахъ, явно вставленное не Несторомъ, переставшимъ писать до кончины Мономаховой[42], служитъ окончательнымъ доказательствомъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ нѣтъ чистой Несторовой лѣтописи[43].

Если въ Лаврентьевскомъ спискѣ нѣтъ частей Несторовой лѣтописи, то и въ прочихъ спискахъ, объявленныхъ принадлежащими къ той-же категоріи, и употребленныхъ при ея изданіи для варіантовъ, также нельзя искать ея — заключеніе логическое, которое подтверждается и разсмотрѣніемъ самаго изданія. Во всѣхъ сихъ спискахъ находится сказаніе Василія.

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, изданномъ особо предшественникомъ Бередникова Барковымъ — вставка ясна.

А кромѣ этихъ пяти списковъ больше и нѣтъ никакихъ! Если-бы еще

---

[36] Собр. лѣт. с. 117; [37] с. 116; [38] с. 112; [39] с. 116, а подробнѣе с. 114 и 115.

[40] Замѣчу здѣсь кстати, что въ первомъ своемъ изслѣдованіи о Несторѣ (т. I, с. 24) я напрасно считалъ это повтореніе доказательствомъ перерыва лѣтописи: оно доказываетъ только вставку, что замѣтилъ мнѣ и г-нъ Бѣляевъ. Послѣ повтореннаго извѣстія — «та-же» лѣтопись, «то-же» сочиненіе продолжается. Ошибка моя происходила отъ того, что я не видалъ списковъ предъ собою, какъ теперь, въ изданіи Археографической коммиссіи, а судилъ о нихъ по отрывочнымъ замѣчаніямъ Карамзина.

[41] С. 100; [42] Смотри ниже.

[43] А. г. Бередниковъ и поученіе Мономахово называетъ «древнимъ текстомъ Несторовой лѣтописи»!

были списки этой категоріи, то они были бы употреблены, или по крайней мѣрѣ описаны съ объясненіемъ, почему не употреблены.

Было-ли Василіево сказаніе въ Троицкомъ древнѣйшемъ спискѣ (харатейномъ XV или даже XIV вѣка), употребленномъ Карамзинымъ и сгорѣвшемъ при Французахъ, — отвѣчать положительно нельзя: Карамзинъ, описывая ослѣпленіе Василька, не ссылается нигдѣ на этотъ списокъ; говоря о повтореніи извѣстій въ лѣтописи, упоминаетъ также только о «Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ спискахъ», но не указываетъ на Троицкій, что кажется сдѣлалъ бы непремѣнно, еслибъ тамъ были повторены извѣстія. Потеря невозвратимая и въ этомъ отношеніи!

Итакъ чистой лѣтописи Несторовой нѣтъ ни одного списка; съ Василіевымъ сказаніемъ есть только пять списковъ.

Что же заключается въ объявленныхъ 154 спискахъ лѣтописей?

Незнаю. Вѣроятно — новѣйшія сочиненія и сборники, въ которыхъ редакторы употребляли Нестора, каждый, какъ ему заблагоразсудилось.

По ихъ употребленію нельзя ли сдѣлать какихъ заключеній о первоначальномъ его текстѣ?

Можетъ-быть. Но для этого надобно имѣть всѣ эти лѣтописи предъ глазами.

Нѣтъ ли по крайней мѣрѣ слѣдовъ, чтобъ когда-нибудь у кого-нибудь была лѣтопись безъ Васильевой вставки?

У Сильвестра игумена, древнѣйшаго переписчика, Несторова лѣтопись была уже въ 1116 году съ этою вставкою.

Редакторъ Софійскаго временника переписываетъ сказаніе сполна, оставляя у себя даже собственное Василіево имя.

Редакторъ Воскресенскаго сборника перемѣняетъ только первое лицо на третье.

Редакторъ Никоновскаго точно также, равно какъ и Татищевъ. (У нихъ нѣтъ повтореній, т. е. Несторовыхъ извѣстій, которыя находятся въ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и проч. спискахъ).

Итакъ до сихъ поръ не замѣчается нигдѣ никакихъ слѣдовъ Несторовой лѣтописи, чистой, безъ Василіевой вставки.

Есть-ли надежда найти ее впредь?

Едвали! Не потому говорю я такъ, что не надѣюсь достать древнихъ списковъ — нѣтъ: господствующее у насъ мнѣніе, что только древнѣйшіе списки заключаютъ древнѣйшій текстъ, несправедливо: текстъ Русской Правды, помѣщенный въ Новгородской лѣтописи Ак., принадлежатъ XV вѣку, и гораздо древнѣе текста, помѣщеннаго въ харатейной Кормчей 1282 года. Такъ точно текстъ Лаврентьевскаго списка 1380 года могъ бы уступить преимущество какому нибудь новѣйшему тексту безъ Васильевой повѣсти, безъ Мономахова поученія, но я не надѣюсь, чтобы отыскался такой списокъ потому что, думаю, едва ли онъ и существовалъ. См. ниже.

Не имѣя чистой лѣтописи Нестора, мы должны искать конца его и начала продолжателей въ смѣшанныхъ спискахъ, какіе есть и какіе изданы.

Перевощиковъ, видѣвшій всѣ списки, думаетъ, что Несторъ писалъ только до 1074 года. «Подъ годомъ 1074, послѣ повѣствованія о кончинѣ Ѳеодосія и о житіи другихъ Кіевопечерскихъ иноковъ» говоритъ онъ, «въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ, Никоновскомъ поставленъ аминь: сіе слово помѣщено токмо двумя годами прежде, подъ 1072 въ Софійскомъ временникѣ, въ Россійской лѣтописи по списку Софійскому и въ Воскресенской

лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ, послѣ вышеупомянутаго повѣствованія и слова аминь, оставленъ пробѣлъ въ полтора столпца и цѣлую страницу»[44].

Отвѣчаю: слово аминь очень часто встрѣчается у лѣтописателей въ срединѣ повѣствованія даже объ одномъ годѣ, смотря по ходу дѣлъ; всякое благочестивое размышленіе о грѣхахъ, о наказаніяхъ злымъ и наградахъ праведнымъ, всѣ славословія по поводу освященія церквей и проч. всегда оканчиваются этимъ словомъ. Напр.

1111 г. «Якоже и се, съ Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ «ангелъ, възвратишася Русьстіи князи въсвояси, съ славою великою къ своимъ людемъ; и «ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дон-«деже и до Рима пройде, на славу Богу всегда и нынѣ и присно во вѣки, *аминь.* Того же «лѣта преставися княгиня Всеволожая, мѣсяца Октября въ 7 день, и положена бысть у св. «Андрея въ манастыри. Того-же лѣта преставися Іоанъ, епископъ Черниговскій, мѣсяца «Ноября, въ 23 день»[45].

Слѣдовательно одинъ аминь не можетъ служить границею.

«Отсюда начинаются», продолжаетъ Перевощиковъ, «главныя и великія различія между списками: обоими Новгородскими, Софійскимъ временникомъ, Россійскою лѣтописью по списку Софійскому, и Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ, Кенигсбергскимъ, Воскресенскимъ, Лѣтописцемъ Русскимъ: отсюда списки Новгородскіе становятся совершенно сходными»[46].

Это доказательство было бы очень важно, но, признаюсь, я не вижу ему оправданія въ изданіи Археографической коммиссіи. Извольте разсмотрѣть лѣтопись въ I томѣ съ 1084 г. по 1110: нѣтъ никакихъ существенныхъ различій, кромѣ обыкновенныхъ варіантовъ. Убѣдительно прошу г. Перевощикова указать мнѣ эти «главныя и великія различія въ спискахъ».

Повѣсть Василія подъ 1097. Г. Перевощиковъ приводитъ также въ доказательство, что послѣ 1073 года писалъ уже не Несторъ.

Эта повѣсть не присоединена, а «вставлена» въ лѣтопись, какъ ясно

---

[44] Перевощиковъ о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ, с. 28.

[45] Лѣтопись по Ип. сп. с. 3.

[46] Перевощиковъ о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ с. 28.

видно по повторенію однихъ и тѣхъ же извѣстій, что показано выше, слѣдовательно доказательствомъ границы Несторовой служить не можетъ.

«Наконецъ», говоритъ г. Перевощиковъ «по сравненіи слововыраженія и слога въ лѣтописяхъ, отъ начала ихъ до 1074 г. и отъ сего далѣе, ясно представляются слѣдующія различія: Несторъ употребляетъ слова и выраженія, которыя въ продолжателѣ не находятся».

Пусть укажетъ ихъ г. Перевощиковъ. Мнѣ кажется, въ періодѣ отъ 1074 г. до 1110 развѣ случайно не находится какихъ нибудь, и то немногихъ словъ изъ употребленныхъ Несторомъ до 1074.

«Въ Несторѣ встрѣчаются слова и выраженія для насъ вовсе непонятныя».

Какія? Непонятнаго какъ у Нестора «такъ» и продолжателей очень мало.

«Вообще слововыраженіе Несторово древнѣе, неправильнѣе; слововыраженіе продолжателя новѣе, чище».

На оборотъ: у Нестора, кромѣ переписанныхъ имъ древнихъ записокъ, о коихъ смотри выше, слововыраженіе чище и правильнѣе, что замѣчаютъ и гг. Кубаревъ и Бѣляевъ.

«Въ Несторѣ можно видѣть лучше состояніе Россіи и двухъ описанныхъ имъ временъ; въ продолжателѣ находимъ повѣствованія почти объ однѣхъ перемѣнахъ политическихъ».

Происшествія отъ 1074 до 1110 г. такъ осудить нельзя, (а развѣ послѣ 1110 года): эти годы описаны точно такъ, какъ и предыдушіе.

Несторъ нерѣдко говоритъ о происшествіяхъ Греческихъ: продолжатель упомянулъ только объ одномъ.

Несторъ перестаетъ упоминать объ нихъ задолго до 1073 года, слѣд. симъ не опровергается принадлежность ему описаній годовъ 1074—1110.

«Въ Несторѣ много монологовъ, въ продолжателѣ ни одного».

А это что: 1091 «азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житья и и воздержанья. Но се реку мало что и пр.»[47].

Или: 1093. «Сего ради въ праздникы Богъ намъ наводитъ сѣтованья и пр.»[48].

---

[47] С. 91. [48] с. 95.

«И Несторъ и продолжатель употребляютъ слогъ драматическій; но слогъ Нестора суровъ и тѣмъ болѣе выразителенъ: слогъ продолжателя (да будетъ позволено такъ сказать) мягче и слабѣе».

Суровость принадлежитъ не Нестору, а древнимъ запискамъ, внесеннымъ имъ въ свою лѣтопись. А въ выразительности или краснорѣчіи Несторъ беретъ преимущество предъ своими продолжателями. Это его личное достоинство, которое послѣ 1074 года видно также, какъ и до 1074 года.

«Въ Ипатьевскомъ спискѣ послѣ 1073 года есть пробѣлъ въ полторы страницы».

Этотъ пробѣлъ занималъ меня долго, но нѣтъ никакого права останавливаться критику на одномъ подобномъ обстоятельствѣ, тѣмъ болѣе, что въ Ипатьевскомъ спискѣ есть пробѣлы и въ другихъ мѣстахъ безъ всякой видимой причины, какъ замѣтилъ самъ г. Перевощиковъ [49].

Заключаю: мнѣніе Перевощикова не выдерживаетъ критики.

Татищевъ полагалъ по амнію, что Несторъ кончилъ 1094 годомъ. Ему можно отвѣчать тоже, что сказано въ началѣ отвѣта Перевощикову. Карамзинъ прибавляетъ, еще говоря противъ Татищева: «ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря: (лѣто 6604) намъ сущимъ, по кельямъ почивающимъ (въ Лаврѣ), ибо другаго Печерскаго лѣтописца не знаемъ» [50]: но это доказательство безъ другихъ было бы не слишкомъ крѣпко.

Карамзинъ границею Несторова повѣствованія почитаетъ 1110 годъ: «гдѣ точно (Несторъ) заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 года, подъ коимъ во многимъ древнихъ спискахъ находится Сильвестрова приписка [1]:

«Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила *написахъ* книгы си лѣтописець, надѣяся отъ

---

[49] С. 11, 12, 13. [50] Ист. Гос. Росс. т. II, пр. 213. [51] Тамъ-же.

Бога милость пріяти, при князѣ Володимерѣ, княжащу ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменѣющу у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ»[52].

Точно — Сильвестрова приписка явно показываетъ, что первоначальная лѣтопись, вышедъ, такъ сказать, въ свѣтъ изъ рукъ сочинителя, и попавшись переписчикамъ, оканчивалась 1110 годомъ; показываетъ тѣмъ болѣе, что передъ нею не описано шести лѣтъ, слѣдующихъ уже послѣ нея, какъ бы заднимъ числомъ, и, разумѣется, отъ другаго лица. Еслибъ они были описаны первымъ сочинителемъ, то не могли бы откинуться за приписку[53].

I. Мнѣніе о 1110 годѣ, какъ границѣ Несторовой лѣтописи, которое принимаютъ гг. Кубаревъ[54] и Бѣляевъ[55], можно подтвердить еще слѣдующими соображеніями.

1. Около 1110 года во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ примѣчается великое «замѣшательство»[56] (кромѣ Васильевскаго), напр. въ Лаврентьевскомъ.

Подъ 6618 (1110) читается:

«Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ, и дошедше Воиня и воротишася»[57].

А потомъ опять:

«Въ лѣто 6619 идоша веснѣ на Половцѣ, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, и идоша Воиня и воротишася[58].

---

[52] Полное собраніе лѣтописей, т. I, с. 123.

[53] Эти шесть лѣтъ, въ слѣдствіе непростительнаго недоразумѣнія или затмѣнія, разумѣлъ я въ первомъ своемъ изслѣдованіи (т. I, с. 23) совершенно неправильно, чего однакожъ не замѣтили мои ученые рецензенты того времени, какъ ни старались найти что нибудь для порицанія. Дѣло вотъ въ чемъ: Карамзинъ сказалъ (II, пр. 213): Еслибы Сильвестръ былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году «не оставилъ бы шести лѣтъ» (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія, есть трудъ инаго для насъ безъименнаго человѣка». Сильвестръ писалъ это подъ 1110 годомъ. Я и подумалъ, что не описаны шесть лѣтъ передъ 1110 годомъ, т. е. 4, 5, 6, 7, 8, 9, а теперь ясно, что не описаны шесть лѣтъ передъ 1110 годомъ т. е. 11, 12, 13 и пр.

[54] Рус. Истор. Сборникъ, ч. IV, с. 390.

[55] Чтенія въ Истор. обществѣ, № 5, Декабрь, с. 72.

[56] Вотъ это замѣшательство долженъ бы воспроизвесть ученый издатель, чтобы дать изслѣдователю и критику указанія....

[57] С. 121. т. I, с. 127. [58] Это важное для изслѣдователя повтореніе указано у Перевощикова, с. 8, а у Бередникова откинуто въ кучу варіантовъ.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ повторено подробное извѣстіе о походѣ князей, въ слѣдствіе убѣжденій Мономаховыхъ подъ 6611 и подъ 6619 годомъ.

Послѣ этого похода подъ 1111 годомъ тамъ сказано:

«Токмо се суть ангели, отъ Бога послапи помогать хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Мапомаху поустити братью свою па иноплеменникы, Руськіи князи; се бо *якоже рекохомъ*, видѣнье видѣша въ Печерскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на трапезници, таже преступи на церковь и оттуда къ Городцю: ту бо бяше Володимеръ въ Радосыни, и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача попужати, якоже рекохомъ».

Повторенное неловко «якоже рекохомъ», показываетъ явно опытному глазу какую-то заплату или сшивку, и объясняетъ, почему въ Ипатьевскомъ спискѣ написано цѣлою страницею объ ангелахъ больше, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ и Радзивиловскомъ: продолжателю захотѣлось соединить тѣснѣе пророчество съ событіемъ. Съ этою цѣлію онъ распространилъ Несторово сказаніе о знаменіи подъ 1110 годомъ, и сослался на свое распространеніе подъ 1111 годомъ словами «якоже рекохомъ». Нестору зачѣмъ бы подъ двумя годами рядомъ говорить объ ангелахъ и ссылаться на самого себя. (Если бы эта догадка была несправедлива, то Нестору, по Ипатьевскому списку, надо-бы приписать и 1111 годъ)!

II. Съ 1111 года примѣчается въ спискахъ явственное «различіе». Сравните Лаврентьевскій списокъ, съ которымъ сходенъ Радзивиловскій, — Ипатьевскій, съ которымъ сходенъ Хлѣбниковскій и Ермолаевскій, — и различіе бросится вамъ въ глаза. Между тѣмъ до 1111 года примѣчается, напротивъ, полное сходство, коимъ и доказывается, какъ мы имѣли уже нѣсколько разъ случай замѣчать, единство и цѣлость Несторова сочиненія, служащаго началомъ всѣхъ лѣтописей.

Замѣшательство и различіе доказываютъ, что здѣсь именно одинъ лѣтописатель оканчивалъ, а другіе продолжатели начинали. Первый остался неприкосновеннымъ, общимъ для всѣхъ продолжателей, а они пошли каждый своимъ путемъ, и потому представляютъ различіе въ продолженіи повѣствованія.

III. «Хронологическая таблица», которая помѣщена въ началѣ Несторовой лѣтописи и оканчивается смертію Святослава въ 1113 году, доказываетъ также, согласно съ предложенными соображеніями, что Несторъ живъ былъ послѣ 1113 года, а писалъ прежде или послѣ, или прежде и послѣ, но не далѣе 1125 года. Въ первомъ случаѣ, онъ могъ пишучи прибавить кончину Святополкову въ прежденаписанную свою таблицу, т. е. Святополкъ скончался, «между тѣмъ» какъ Несторъ писалъ[58]. Но нельзя сказать этого о Мономахѣ, котораго кончина не отмѣчена Несторомъ въ таблицѣ: ясно, что онъ скончался до нея, т. е. до 1125 года.

Сообразивъ всѣ наши заключенія, вспомнивъ сказанное объ оффиціальныхъ запискахъ, предложимъ ходъ дѣла, сколько о немъ знать можно, и догадываться позволительно.

Несторъ, монахъ Кіевопечерскаго монастыря, пришедшій туда въ 1072 году, написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, потомъ Θеодосія (можетъ быть около 1094 года[59]). Ему попались въ руки оффиціальныя записки о происшествіяхъ, и онъ, расположенный уже къ авторству, знакомый съ лѣтописями греческими въ Болгарскихъ переводахъ, кои присылаемы были къ намъ Болгарскими и Греческими монахами, вознамѣрился написать Русскую лѣтопись, т. е. распространить записки, и дополнить свѣдѣніями, отъ того или другаго лица слышанными[59], тамъ и сямъ собранными изъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, наконецъ цѣлыми сказаніями, кои тогда ходили уже въ народѣ.

Это распространеніе сдѣлалъ онъ по примѣру Византійскихъ лѣтописей, подавшихъ ему и первую мысль о новомъ трудѣ, и помѣстилъ у себя много выписокъ оттуда. Сочиненіе свое довелъ онъ до 1111 года, но живъ былъ еще послѣ 1113 года, ибо этотъ годъ успѣлъ ввести въ свою таблицу.

Трудъ его тотчасъ прославился и пошелъ еще при его жизни по рукамъ, «съ чемъ и началось преданіе о Несторѣ, какъ о первомъ лѣтописателѣ».

---

[58] Слѣдовательно нѣтъ никакой надобности полагать съ г. Кубаревымъ, что Несторъ началъ писать послѣ 1113 года. Смотри въ Рус. Истор. С.-Пб. ч. IV, с. 391. [59] С. 432.

Нѣкто по имени «Василій», человѣкъ значительный, близкій къ князьямъ, случася въ 1096 году во Владимерѣ-Волынскомъ, употребленъ былъ княземъ Давидомъ Игоревичемъ для переговоровъ съ тезомъ княземъ своимъ Василькомъ Ростиславичемъ, который находился тамъ въ плѣну, и описалъ подробно всю исторію ихъ отношеній между собою и свое посредничество[60].

«Сильвестръ», игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, досталъ себѣ и переписалъ въ 1116 году лѣтопись Несторову, доведенную до 1111 года, вставивъ въ нее сказаніе о Василькѣ, если оно не было вставлено прежде самимъ Несторомъ, Василіемъ, или другимъ какимъ первымъ переписчикомъ.

(При всѣхъ четырехъ предположеніяхъ нечего затрудняться первымъ лицемъ, которое поставлено рядомъ съ другими чужими первыми лицами: тогда обращалось вниманіе на самое дѣло, а не на эти формы и оговорки, принадлежащіе другому періоду сочиненій, болѣе отчетливому и ученому[61]. Замѣчу впрочемъ: «кто вставилъ» — вопросъ маловажный. Довольно, что вставка сдѣлана ближайшимъ переписчикомъ, если не самимъ сочинителемъ).

Сильвестровъ списокъ сдѣлался оригиналомъ и прародителемъ всѣхъ списковъ, до насъ дошедшихъ, ибо всѣ они повторяютъ его приписку[62], кромѣ Ипатьевскаго, гдѣ вѣроятно она пропущена писцемъ[63].

Въ такомъ видѣ наши лѣтописи съ Несторомъ, въ основаніи, переписывались можетъ быть[64] въ продолженіи XII вѣка; въ XIII вѣкѣ явились новые сочинители, которые брали Несторову лѣтопись съ «продолженіями, какъ матеріалъ», и заимствовали изъ нея начало своихъ сочиненій, переработывая ее по

---

[60] Напрасно г. Кубаревъ думаетъ, что особыхъ сказаній въ то время не было: сказаніе о пришествіи св. апостола Андрея, которое помѣщается въ прологахъ, сказаніе о построеніи церкви святаго Георгія (тамъ-же), о посольствахъ къ Владиміру и крещеніи Русской земли, были сначала вѣроятно особенными сочиненіями (такъ послѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ, о нашествіи Батыя и проч.) и внесены въ лѣтопись Несторову (кромѣ втораго).

[61] См. тоже Кубарева.

[62] Въ 1409 году лѣтописатели извѣстенъ былъ также списокъ изъ категоріи Сильвестра, котораго онъ называетъ даже лѣтописателемъ. Смотри въ первой статьѣ.

[63] Этотъ пропускъ закрытъ въ изданіи Бередникова, а виденъ также въ описаніи Перевощикова, с. 12.

[64] Я говорю «можетъ быть» — все еще въ страхѣ предъ тѣнію Шлецера, наши молодые изслѣдователя рѣшаются смѣлѣе.

своему, измѣняя болѣе или менѣе, или повторяя въ словѣ употребленія собственныя, распространяя ее въ однихъ мѣстахъ, и сокращая въ другихъ.

Сильвестровъ списокъ сдѣлался главнымъ матеріаломъ этихъ позднѣйшихъ сочиненій и сборниковъ, напр. Софійскаго временника, Никоновскаго сборника и проч.

Теперь обратимся къ продолжателямъ. Не продолжалъ ли Сильвестръ Несторовой лѣтописи?

Сильвестра признаютъ всѣ переписчикомъ. Лѣтописатели никогда не подписывали у насъ своихъ именъ. Написахъ — на древнемъ языкѣ нашемъ значитъ именно переписалъ; списалъ — на оборотъ значитъ сочинилъ, написалъ[65]. «Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ епископъ Переяславскій) былъ сочинитель», говоритъ Карамзинъ, «то онъ (6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ иного, для насъ безъименнаго человѣка».

Это несправедливо. Сильвестръ могъ въ 1116 году переписать лѣтопись до 1111 года и послѣ начать продолженіе съ 1111 года, предъ которымъ Несторъ остановился. Впрочемъ Сильвестръ переведенъ былъ епископомъ въ Переяславль въ 1118 году и тамъ скончался въ 1123 году, слѣдовательно во всякомъ случаѣ могъ продолжать очень недолго[66].

Карамзинъ замѣчаетъ еще: «Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій (съ 1111 года) думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе».

Разсматривая лѣтописи по изданіямъ Археографической коммисіи, я не вижу, чтобъ именно съ 1125 года извѣстія стали полнѣе. Годы всѣ описаны ровно, а если въ которыхъ менѣе есть извѣстій, такъ это по тому, что и происшествіями они были бѣднѣе. Прибавлю еще, что по Ипатьевскому списку описаны они гораздо подробнѣе, нежели по Лаврентьевскому: редакторъ Владимірскій могъ сокращать описанія, о чемъ см. ниже.

---

[65] Мнѣ попадалось много рукописей гдѣ эти слова такъ употреблялись; укажу на одну въ моей библіотекѣ: «Житіе великія княгини Ольги, «списано» любомудрецомъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы». [66] См. еще замѣчанія Добровскаго къ Шлецерову Нестору, III, с. 680.

Первый продолжатель Несторовъ, сочинялъ лѣтопись, распространяя продолженіе оффиціальныхъ записокъ, имъ полученныхъ съ 1111 года, которыхъ не было уже у Нестора. Въ началѣ его труда, именно въ приложеніи записокъ къ лѣтописи Несторовой, при спайкѣ, если позволятъ такъ выразиться, и произошло замѣшательство.

Обработывая записки, этотъ продолжатель вставлялъ при случаяхъ извѣстія о прежнемъ времени, кои Несторъ пропустилъ или не зналъ, наприм. объ отношеніяхъ Рогнѣды къ Владиміру и источникѣ вражды между Изяславичами и Ярославичами. (Такъ поступали и другіе).

Продолжателей было вдругъ по два и по три, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, отчего позднѣйшіе редакторы и переписчики (а они только и дошли до насъ) еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причинѣ лѣтописи уходятъ однѣ передъ другими — годомъ и двумя.

Вотъ предположеніе о происхожденіи, о ходѣ лѣтописнаго дѣла самое естественное, а впрочемъ, ученая кропотливость можетъ пріискать на него нѣсколько возраженій, равно какъ и сдѣлать нѣсколько другихъ предположеній, безъ пользы однакожъ наукѣ, кои не перемѣнятъ дѣла, напр. Несторъ написалъ лѣтопись, Сильвестръ переписалъ ее, первый продолжатель вставилъ сказаніе, оставя Сильвестрову приписку [67]. Его то списокъ (а не Сильвестровъ) сдѣлался прародителемъ прочихъ списковъ. (Изъ нихъ Ипатьевскій пропустилъ приписку) и т. п.

Чтобъ анализировать все это, и еще тотчасъ привести все дѣло въ совершенную ясность и на все дать отвѣты, или покрайней мѣрѣ предложить догадки близкія, сообразно съ настоящимъ состояніемъ науки, должно описать подробно и основательно списки всѣхъ лѣтописей. А описать нельзя безъ того, чтобы не перечесть ихъ сподрядъ по нѣскольку разъ.

---

[67] Множество есть примѣровъ того, какъ переписчики оставляютъ послѣсловія своихъ подлинниковъ: послѣсловіе попа Упиря Лихаго, извѣстно мнѣ по тремъ спискамъ, тоже послѣсловіе Кириково Василіевой грамоты, дьячишковъ Григорья и Ермолая въ Печерскомъ патерикѣ и пр.

При описаніи надо болѣе всего обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, на кои намекнулъ я въ I томѣ изслѣдованій, ожидая изданій Коммисіи, и кои подробно описалъ теперь.

Отъ 1091 года до 1125 — вотъ время самое затруднительное, которое должно быть описано и издано для ясности по всѣмъ спискамъ порознь.

Для облегченія труда есть много пріемовъ, о которыхъ не мѣсто распространяться здѣсь: прочетшій внимательно предлагаемыя изслѣдованія, составитъ себѣ самъ достаточное понятіе.

Теперь обратимся къ продолженіямъ Несторовой лѣтописи.

КІЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Первое продолженіе Нестора было разумѣется въ Кіевѣ.

Сколько было лѣтописателей тамъ послѣ Нестора?

Они писали сплошь, безъ раздѣленія; именъ своихъ никогда не сказывали, и мы должны собирать прежде всего примѣты ихъ существованія болѣе или менѣе ясныя.

1114. «*Пришедшю мю въ Ладогу,* повѣдаша ми Ладожане: яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныя, и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взяхъ болѣ ста; суть же различни. Сему же ми сдивлящу, рекоша ми.... Мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада и проч.... *Сему же есть ми послухъ* посадникъ Павелъ Ладожскый и вси *Ладожане.*

1123. «И бысть велика помощь Божія благовѣрному князю Володимеру..... *Виждьте, братіе,* коль благъ Богъ и милостивъ, на смиреныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею».

1171. «На утрья же *въ Суботу* поидохомъ съ Володимеромъ изъ Вышегорода.

1187. «И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже *въ нашю память* небывало николиже».

1199. «Въ тоже время благоволи Богъ.... вдохнувъ мысль благу въ богопріятное сердце *великому князю Рюрикови*.... Тогобо лѣта, мѣсяца Іуля въ 10 день.... заложи стѣну камену подъ церковью С. Михаила у Днѣпра, иже на Видобычи. О ней-же мнозѣ недерзьнувша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣже создана бысть

церкви, и въ толико лѣтъ мнозиже самодержци преидоша, держащѣи столъ княженія Кіевьского..... и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому.... О христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе *пріими*..... Еще же и мы должніи ти молитвеницы нашъ присный господине, единомысленно суще ко избранному *сему мѣсту,* надѣемся незабытно познани быти.... И Богъ милости и Отецъ щедротамъ.... да будеть съ царствомъ твоимъ, купьно съ любымии тобою.... нынѣ и присно и въ будущія вѣкыи, аминь».

Изъ этихъ мѣстъ «ясно» видны два лѣтописателя одинъ въ 1114 (и вѣроятно въ 1123), а другой, кончившій Кіевскую лѣтопись, сколько извѣстно ея по оставшемуся списку въ 1200, 1187 (а можетъ быть въ 1171 г.). Но нельзя кажется приписать съ Перевощиковымъ[68] этимъ двоимъ продолженія Несторовой лѣтописи отъ кончины Святополковой (въ 1113 г.) до 1200 года, почти сто лѣтъ! Вѣроятно «въ срединѣ былъ третій лѣтописатель». Это — соображеніе, но есть и положительное доказательство, именно, 1140 годъ описанъ другимъ лицемъ, не тѣмъ, кто описывалъ 1111—1132, какъ увидимъ ниже.

Итакъ «первый» продолжатель писалъ отъ 1113 до 1130 или 1140 года, т. е. до кончины Мстислава (1132) или Ярополка (1139). Въ 1114 году онъ былъ уже въ лѣтахъ зрѣлыхъ, имѣвъ сношеніе съ посадникомъ Ладожскимъ Павломъ.

Г. Бутковъ замѣчаетъ, что онъ не принадлежалъ къ черноризцамъ Печерскимъ (съ чѣмъ, согласно, прибавилъ, и путешествіе его въ Ладогу), ибо въ лѣтописи подъ 1128 годомъ написалъ:

«Въ се же лѣто переяша Печеряне церковь Св. Димитрія, и нарекоша ю Петра, *со грѣхомъ великимъ и не право*».

Такъ бы не сказалъ монахъ обители Печерской въ собственную себѣ и братіямъ своимъ укоризну.

«Второй» былъ именно Кіевлянинъ по вѣроятному замѣчанію Перевощикова, ибо подъ 1144 г. говоритъ:

«И пойде (изъ Кіева) Всеволодъ съ своею силою ко Звенигороду и ста *по сей сторонѣ* города, а Володимеръ ста по *ону* сторону города».

1140 годъ съ окружными безъ сомнѣнія принадлежитъ этому второму

[68] С. 35.

продолжателю, ибо онъ здѣсь воспоминаетъ о Мстиславѣ, умершемъ въ 1132 г., и расказываетъ за однимъ числомъ:

«Се-бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего и отъ Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую, а Мстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ».

Еслибы это писалъ первый продолжатель, то онъ сказалъ бы все въ своемъ мѣстѣ. Другой хотѣлъ пояснить, что по его мнѣнію не договорено было первымъ[69].

Этотъ второй описалъ происшествія вѣроятно до 70 годовъ, и держался стороны Мономаховой противъ Ольговичей, ибо подъ 1136 г. говоритъ:

«Ярополкъ (не дождавшись братьевь) пустился въ бой *мняще, яко не стояти Ольговичемъ противу нашей силы*».

Вѣроятно это мѣсто можетъ быть принадлежитъ и первому продолжателю, см. выше, тамъ же подъ 1143 г.

«Скопишася братья вся и пиша у Всеволода, и тако разидошася».

Слѣдовательно нельзя полагать вѣроятнымъ съ Карамзинымъ, чтобъ 1151 г. былъ описанъ не жителемъ Кіевскимъ, а Черниговскимъ[70] по слѣдующимъ словамъ будто-бы лѣтописи:

«Стоявшимъ-же имъ (Георгію съ союзниками) 12 днйй подъ городомъ (Черниговымъ) въ то же время Вячеславъ съ Изяславомъ стояшеть на сей сторонѣ Днѣпра у Лжичь[71].

Лжичи или Олжичи находились на одной сторонѣ съ Черниговымъ, что и подало поводъ Карамзину приписывать эти слова Черниговцу. Какъ же объяснить ихъ? Посредствомъ предположенныхъ нами записокъ: слова написаны спутникомъ Изяслава, соотвѣтственно мѣсту ихъ пребыванія, подъ Черниговымъ, слѣдовательно на сей сторонѣ.

Этотъ лѣтописатель вышелъ съ Володимеромъ изъ Вышгорода въ 1171 году, по взятіи Кіева Мстиславомъ.

---

[69] Татищевъ отъ его имени въ своемъ сводѣ пишетъ подъ 1147 годомъ. Игорь Ольговичь былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей, читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ. «Часто мнѣ случалось въ церквѣ съ нимъ пѣть, когда онъ былъ въ Владимірѣ». Но Игорь тамъ не живалъ, замѣчаетъ Карамзинъ, II, пр. 308, с. 185.

[70] Кар. II, пр. 35; [71] по Ипат. сп. с. 70 годъ 1152.

Третій былъ также Кіевлянинъ: 1180 г. былъ пожаръ въ Кіевѣ и загорѣлась церковь Софійская. Лѣтописецъ говоритъ «здѣсь», слѣдовательно онъ жилъ въ Кіевѣ, принадлежалъ къ Выдубицкому монастырю, что видно изъ послѣсловія Кіевской лѣтописи; онъ описывалъ, какъ мы видѣли, годы 1187, 1199, а можетъ быть и 1171.

Вотъ наши замѣчанія! Можетъ быть при внимательнѣйшемъ, филологическомъ разсмотрѣніи найдутся болѣе вѣрныя примѣты, и опредѣлится точнѣе, какъ число лѣтъ писателей, такъ и границы ихъ сочиненій.

Разсмотримъ теперь Кіевскую лѣтопись въ отношеніи къ ея содержанію.

Предметъ ея — Кіевскія происшествія, но есть извѣстія и о прочихъ, болѣе или менѣе относящихся къ Кіеву.

Спрашивается: Кіевскіе лѣтописатели, описывая свои происшествія по оффиціальнымъ запискамъ какъ описывали прочія происшествія — Новгородскія, Суздальскія, — по слухамъ, или по ихъ лѣтописямъ, — т. е. всѣ сіи лѣтописи въ какомъ отношеніи находятся между собою?

Для этого любопытнаго вопроса надо сравнить Кіевскую лѣтопись съ Суздальскою и Новгородскою. Дѣло, о которомъ не помышляла еще наша критика. Сравненіе должно начать съ того времени, какъ Володимерское княжество выступило на сцену и получило свою лѣтопись, то есть съ 1170 годовъ.

Кіевская лѣтопись представляетъ въ этомъ отношеніи сокращеніе или повтореніе Суздальской (которая слѣдовательно была въ рукахъ Кіевлянъ), описывая однакожъ отношеніе Владиміра къ Кіеву обстоятельнѣе: напр. взятіе Кіева Мстиславомъ 1174, назначеніе Романа Ростиславича Кіевскимъ княземъ и проч.

Наконецъ въ Кіевской лѣтописи есть извѣстіе о самомъ Владимірскомъ княжествѣ подробнѣйшее, чѣмъ въ Суздальской, напр. описаніе убіенія Андреева, 1175, представляетъ множество любопытныхъ подробностей, какихъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, напр.

«Идущимъ имъ къ ложницѣ его (убійцамъ) прія я́ страхъ.... и бѣшаше съ сѣній шедше въ медушю и пиша вино.... и тако упившеся виномъ, пондоша на сѣни.... пришедшимъ имъ къ ложници, и рече одинъ стоя у дверій: господине, господине! и князь рече кто есть? И онъ же рече: Прокопьи; и рече князь: о паробче, не Прокопьи!» и пр.

Сравнивъ оба повѣствованія, вы видите ясно, что объ этомъ происшествіи было особое сказаніе очевидца, которое Кіевскій лѣтописатель помѣстилъ въ своей лѣтописи почти сполна, а Владимірскій — сокращенно. Что Володимерецъ былъ очевидецъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ, также слишкомъ сокращенныхъ въ Суздальской лѣтописи:

«Ѳеодулъ игуменъ святоѣ Богородицѣ Володимерьской съ крилошаны и Володимерцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое, и вземше тѣло его привезоша Володимерю, со честью, съ плачемъ великымъ. И бысть по малѣ времени, *и поча выступати стягъ отъ Боголюбого* и людье не могоша ся нимало удержати, но вси возьяхуть, отъ слезъ же иеможаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати[72].

Въ описаніи похода 1182 года на Болгаръ у Кіевлянина есть лишнія обстоятельства, чѣмъ у Владимірца.

«Бысть идущимъ по Волзѣ на Болгары, пондоша на мѣсто, идѣже островъ нарѣцаемый Исади, устье Цѣвцѣ; высѣдъ на берегъ, и ту оставиша всѣ посады и галѣѣ Бѣлозерьскій полкъ, оставиже у нихъ воеводу Ѳому Лазаковича, а другою Дорожая, то-бо бяшеть ему отнь слуга иныѣ воеводы оставиша и князи, когождо у своихъ людей[73].

Кіевская лѣтопись оканчивается въ извѣстныхъ намъ двухъ спискахъ 1200 годомъ[74]. Продолженіе ея, которое безъ сомнѣнія было, до сихъ поръ не отыскалось. Извѣстія о Кіевскихъ происшествіяхъ добавляютъ изъ Суздальской и Новгородской лѣтописей, въ коихъ онѣ вѣроятно сокращались по вышеписанному примѣру, а всего полнѣе кажется сохранилась она въ Воскресенскомъ спискѣ.

ВОЛЫНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ея есть у насъ только «отрывокъ», найденный и употребленный первоначально Карамзинымъ въ исторіи; начинается 1201 годомъ и оканчивается 1289. (Странно, что переписчикъ Кіевской лѣтописи началъ переписывать Волынскую съ того года, какъ кончилъ Кіевскую). Начало ея до сихъ поръ не отыскалось.

---

[72] с. 115; [73] с. 125.

[74] Это время было какимъ-то роковымъ въ нашихъ лѣтописяхъ: Кіевская лѣтопись по Ип. списку тутъ оканчивается, также Радзивиловскій списокъ, Софійскій временникъ до этого времени намѣревался довести свое повѣствованіе. Съ этого времени начинается Волынскій отрывокъ. Тогда-же было и взятіе Царяграда Крестоносцами, вошедшее въ наши лѣтописи и сборники.

Списковъ три, одинъ съ другаго списанныхъ, слѣдовательно, собственно говоря, одинъ Ипатьевскій.

Лѣтописателей было кажется два: одинъ жилъ около 1220 г. и чуть ли не принадлежалъ самъ къ военному сословію.

«Королеви-же ставшю во Звенигородѣ, и посла вои свои къ Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати къ Галичю: повѣдахуть бо ему волъхвы Угорьскыя, яко узрѣвшу Галичь, не быти ему живу; онъ же тоя ради вины не смѣя ити въ Галичь, яко вѣряшеть волъхвомъ; Днѣстру же наводнившюся, не могоша перейти. Мьстиславъ же выѣха противу съ полкы, *онѣмъ же позоровавшимъ насъ*, и ѣхаше Угрѣ во станы своя».

Эта догадка подтверждается еще извѣстіемъ подъ 1213 г.

«Мстиславъ подарилъ (Даніилу) коня своего борзаго *сиваго*. Масть лошади не замѣтилъ бы монахъ и не очевидецъ. Подъ этимъ же годомъ есть извѣстіе: Василь дьякъ, *рекомый* Молза, которое тоже показываетъ современность».

1224. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру, ко острову Варяжьскому. И пріѣха ту къ нимъ вся земля Половецкая и Черниговцемъ пріѣхавшимъ и Кіяномъ и Смолвяномъ, инѣмъ странамъ, вся намъ по суху-же Днѣпръ перешедшимъ, якоже покрыти водѣ быти отъ множества людій.

Впрочемъ можетъ быть это послѣднее извѣстіе принадлежитъ особому сказанію о Калкской битвѣ, которое съ разными измѣненіями, вошло въ составъ всѣхъ лѣтописей и сборниковъ.

Другой, принадлежащій уже къ слѣдующему періоду, около 1289 г.

«Добръ зѣло послухъ», говоритъ онъ описавъ кончину Владиміра Васильковича, «*братъ твой Мстиславъ*, его же сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа.... иже несконча́нна твоя учиняюще, аки Соломонъ Давыда.... всякою красотою украси, златомъ и сребромъ, и каменьемъ драгимъ, и сосуды честными; яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ сторонамъ, аки-же ина не обрящеться во всей полунощни земля, отъ востока и до запада. И славный городъ твой Володимерь, величествомъ акы вѣнцемъ обложенъ, преди люди твоя и городъ святѣй славный и скорѣй на помощь хрестьяномъ святѣй Богородицы. Возстани.... возведи очи, да видиши, какоя ти чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ *Мьстиславомъ. Возстани видь брата твоего, красящаго столъ земля твоея, ксемуже вижь и благовѣрную свою княгиню* како благовѣры держать по преданью твоему, како покланяться имени твоему.... *Радуйся учителю нашъ* и наставниче благовѣрья! и пр.».

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Осталось три списка: Лаврентьевскій продолжается до 1305 г.
Радзивиловскій » до 1206 г.
Троицкій » до 1419 г.

(Пропавшій при Французахъ Троицкій 1, оканчивался Едигеевымъ нашествіемъ 1409 г.)

Лѣтописателей для нашего періода было кажется два: одинъ описывалъ княженіе Боголюбскаго, жилъ въ 1175 г. (ибо видѣлъ его погребеніе); и при преемникѣ его Всеволодѣ (1176—1212), ибо, описывая кончину его, говоритъ:

«Молися (Андрей) Богу помиловати *князя нашего Всеволода*, своего и приснаго брата, да подастъ ему побѣды на противныя и много лѣтъ съ княгинею и съ благородными дѣтьми, и миру державу и царства»[75].

Вотъ еще мѣста, показывающія время его жизни: подъ годомъ 1176, описывая успѣхи Владимерцевъ въ ихъ распрѣ съ Ростовцами и Суздальцами, онъ говоритъ о сихъ послѣднихъ:

«Противящеся Богу, и Пречистой Его матери, и правдѣ Божіей, слушаще злыхъ человѣкъ и развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью, *граду* сему живущихъ *въ немъ*[76].

Здѣсь между прочимъ ясно, что онъ былъ Володимерецъ, равно какъ изъ описанія взятія Кіева въ 1169 году, гдѣ онъ говоритъ, что «Богъ наказалъ Кіевлянъ за грѣхи ихъ»[77].

Подъ годомъ 1180. «Сторожеве же Романовы перебродилися бяху чрезъ Оку и усрѣтошась съ *нашими* сторожи, и Богъ поможе нашимъ сторожемъ»[78].

Подъ годомъ 1185. Лѣтописатель описавъ поставленіе епископа Луки, говоритъ:

---

[75] Въ Лаврентьевскомъ спискѣ с. 158; въ Троицкомъ также, говоритъ Карамзинъ, III, пр. 24, а въ Радзивиловскомъ нѣтъ, чего по изданію г. Бередникова невидать.

[76] По Лаврентьевскому списку, с. 160.

[77] Карамзинъ замѣчаетъ, II, пр. 424: «слѣдовательно не былъ самъ Кіевлянинъ». Разумѣется: это мѣсто принадлежитъ Суздальской лѣтописи, которая говоритъ: «и за грѣхи ихъ», а Кіевская переправляетъ подъ 1171 годомъ — «за грѣхи наши».

[78] Въ Лаврентьевскомъ, с. 164; Въ Воскр. и Ник. нѣтъ «нашимъ»; слѣд. они писаны не во Владимірѣ. Ар. II. № 1363.

«*Молися зи порученное тебѣ стадо,* за люди хрестьянскыя, за князя и за землю Ростовскую».

Подъ тѣмъ же годомъ о пожарѣ во Владимірѣ:

«Се же ся сдѣя грѣхъ ради нашихъ, яко умножишася грѣхи наши и неправды...... но *не предаждь насъ до конца*..... да аще еще створимъ всѣхъ грѣхъ прощени будемъ»[79].

Другой лѣтописатель, очень красноглаголивый, жилъ въ 1220 г. и далѣе.

«Се же писахомъ, да не наскакують нѣців на святительскій санъ, но его же позоветь Богъ». Въ Ипат. это извѣстіе подъ 1172 г.

Въ 1227 году Марта 14, митрополитъ Кириллъ, находясь во Владимірѣ съ 4 епископами, поставилъ Митрофана игумена Бородицкаго, въ санъ святительскій, при великомъ князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Святославѣ, боярахъ и народномъ множествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ:

«Приключися *и мнѣ* грѣшному ту быти и видѣти дивна и преславна, и прославиша всемилостивѣйшаго Бога и В. К. Георгія[80].

1229. «Рожь не родися *по всей нашей земли* и дороговь бысть жито[81].

1230. Разсказавъ о чудесныхъ знаменіяхъ, бывшихъ въ южной Россіи, лѣтописатель дважды свидѣтельствуетъ:

«Тако слышахомъ у *самовидьць*, бывшихъ тамо въ то время[81].

1231. «Любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати; зѣло бо велье дѣло паче насъ вспріяхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ въ притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый въ погибель будеть, послушливый же кромѣ ея будеть. По паче молитвы своя подаждь ми, и въ крилу мѣсто раскрили сюду и онуду, простри къ Богу, яко же нѣкогда Моиси великый, онъ свои руцѣ простре, помогая Израилю въ полцѣ, да и изъ аерьскымъ духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси те въ тихо пристанище введу, начиная бесѣду сдѣ яко истинньна есть повѣстьству.... Многобо попеченье створи о церкви святыя Богородици, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и преходя отъ дѣла въ дѣло».

---

[79] Вѣроятно онъ же писалъ и подъ 1169 г.

[80] Лавр. сп. с. 191. Кар. III, пр. 369, с. 112. сп. с. 192.

[81] Лавр. сп. с. 193.

(Ясно, что все это писано до втораго нашествія Татаръ, которое послѣдывало чрезъ пять лѣтъ).

Этотъ лѣтописатель жилъ и въ 1237 году. Описавъ нашествіе Батыево, онъ говоритъ:

«Створися велико зло Суждальской земли, якоже зло небыло, но отъ крещенья якоже бысть нынѣ. Но то оставимъ. .. О неизреченьному ти человѣколюбью! итако подобаеть благому Владыцѣ казати, о себѣ бо *и азъ грѣшный* много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни. Но нынѣ на предреченая взидемъ»[82].

(Онъ пережилъ это время, что увидимъ въ 1239 году).

Какъ лѣтописатели Кіевскіе имѣли разныя преданія, или источники Суздальскіе для Суздальскихъ происшествій, кромѣ лѣтописей, такъ точно и лѣтописатели Владимірскіе, сокращая обыкновенно Кіевскую лѣтопись (сравнимъ напримѣръ описаніе кончины Нифонтовой подъ 1150) годомъ, заключаютъ иногда извѣстія о Кіевѣ такія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи, напримѣръ:

1125 г. Мономахъ скончался:

«На Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаньемъ многымъ. Жалостливо-же бяше отинудь и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь вниднешеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако мольбы ко Владыцѣ Христу со слезами воспущаше».

Ярополкъ, сынъ его погналъ Половцевъ «у Полкъ стѣпя».

1127. «Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Лекнѣ».

1132. «Кыяне послаша по-нь (за Ярополкомъ по смерти Мстислава). Онъ же оставивъ брата Святополка въ Молотьестнѣ, и пріиде во Переяславль, на Госпожинъ день, Полочане же рекше: «лишается насъ» и выгнаша Святополка, а Василька посадиша Святославича. Видѣвъ же то Ярополкъ, удалися съ братьею, и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе съ нужею; тоеже зимы даша Изяславу Туровъ и Пинскъ къ Мѣньску то бо бяшеть его осталося передьнеѣ волости его».

1133. «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерскыѣ и отъ Смолиньска даръ; и тако хрестъ цѣловаша, и поча лишатися Вячеславъ Переяславля и дошедъ Городца воротися опять».

1138. «Людемъ съ митрополитомъ срѣтшимъ его (Вячеслава по смерти Ярополка)».

1146. «Совокупи Всеволодъ братью свою на Радосыни, и сложи путь съ Бориша дни на Володимера, и нарече оба Изяслава оставити дома».

---

[82] С. 198.

«И пришедъ (Изяславъ — по смерти его) ста на Желяни».

1147. «Изяславъ передъ собою посла къ брату Кыеву къ Володымеру и къ Лазареви къ тысячскому два мужа, Добрынку и Радила».

1148. «Приде Глѣбъ Гюргевичь изъ Суждала Чернигову, въ помочь Ольговичемъ, и пребывъ у нихъ нѣколико, приде на Городскъ».

Этихъ примѣровъ достаточно, что Кіевская и Суздальская лѣтописи дошли до насъ «не вполнѣ», а въ спискахъ, болѣе или менѣе сокращенныхъ: переписчики пропускали по усмотрѣнію разныя обстоятельства, коихъ теперь мы видимъ только слѣды Кіевскіе у Суздальскихъ и Суздальскіе у Кіевскихъ. Безъ Суздальской лѣтописи мы могли бы думать, что имѣемъ полную лѣтопись Кіевскую до извѣстнаго года, а теперь ясно, что она не полная, ибо въ ней нѣтъ иногда даже тѣхъ извѣстій, кои есть въ Суздальской. Тоже должно сказать и о сей послѣдней. Еще заключеніе: у Суздальскаго лѣтописателя или редактора былъ списокъ Кіевской лѣтописи не тотъ, который дошелъ до насъ, а полнѣйшій. У Кіевскаго также Суздальская лѣтопись другая.

ЛѢТОПИСЬ ПО ВОСКРЕСЕНСКОМУ СПИСКУ.

Объ этой лѣтописи нельзя говорить утвердительно еще болѣе. Мы не знаемъ, кто и какъ ее издалъ 1793 года, въ Петербургѣ, при Академіи наукъ; не знаемъ, съ какаго списка она издана и сколько есть еще ея списковъ. Послѣ очевидно позднѣйшихъ прилоговъ, она подъ заглавіемъ Софійскаго временника начинается Несторомъ, со вставленнымъ Василіевымъ сказаніемъ.

Точно тоже заглавіе Софійскаго временника имѣетъ другая лѣтопись, (изданная Строевымъ 1822 года). Спрашивается: которой принадлежитъ это названіе по преимуществу? г. Бередниковъ отдаетъ первой[83], кажется справедливо.

Вступленіе весьма важное, въ обоихъ одинаковое:

«Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, приклоните ушеса ваши разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, у како отбораняху Руськыя земля, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти-бо князи не сбираху много имѣнія, ни творимыхъ виръ, ни продажъ въскладаху

---

[83] См. предисловіе къ 3 тому лѣтописей с. VII.

на люди; по оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющеся: братіе потягнемъ по своемъ князи и по Руськой земли. Нежадаху, мало ми есть, княже, с҃. гривенъ; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ и росплодили были землю Руськую. За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наша и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пишетьбо-ся: богатьство неправдою сбираемо, скоро извѣется. И паки: сбираеть и невѣсть кому сбираеть. И пакы: лучше малое праведнику, паче богатьство грѣшныхъ многа. Да отселѣ, братія возлюбленная моя, останемся отъ несытства своего; довольни будите урокы вашими. Яко и Павелъ пишеть: ему-же дань, то дань, ему-же урокъ, то урокъ; никому-же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе сдѣвающе да и здѣ добрѣ поживемъ, а тамо вѣчнѣ и жизни причастници будемъ. Се-же таковая. Мы-же отъ начала Руськой земли до сего лѣта и вся порядy извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александра и Исакія».

Это вступленіе показываетъ, что первый редакторъ жилъ въ началѣ XIII вѣка, ибо Александръ и Исакій, до которыхъ онъ намѣревался довести свое сочиненіе, жили около 1203 года [84].

Спрашивается: какой лѣтописи принадлежитъ это вступленіе?

Не смотря на одинаковое заглавіе и вступленіе, лѣтописи совершенно различныя. Перевощиковъ говоритъ, «что Воскресенскій списокъ сходенъ съ Лаврентьевскимъ и Ипатьевскимъ подъ 1176 годомъ, а послѣ сего только съ Лаврентьевскимъ. Я сличалъ также Воскресенскій списокъ, и скажу, что въ срединѣ это есть чистая Кіевская лѣтопись, очень мало сокращенная (укажу для примѣра на 1151 годъ), за то въ другихъ мѣстахъ значительно распространенная и потому «весьма важна». Приведу въ примѣръ описаніе кончины митрополита Константина.

«Положиши оу святаго Спаса идѣже Игоръ лѣжитъ Ярославичь втеремъци в сия-же г҃ дни въ Киевѣ солнце помрачися и боуря зѣлна бѣ и яко земли трястися и молънии блистанеи неможахоу человѣци трпѣти и громоу силну бывшоу яко единѣмъ шибаниемь зарази. з҃ человѣкъ, двое поповъ да діакона. и д҃ простьци: А Ростиславоу же тогда стоящу оу Вышегороды на полы. и полами боуря отнесьша шатеръ его. Ростославже наполнився страха божия и воспомяноу смерть митрополицию. возвѣщено бо бѣ ему преже

[84] Шлецеровъ Несторъ, III, с. 681. «Здѣсь разумѣются Алексѣй-ангелъ и отецъ его; слѣдственно до сего лѣта, относится къ 1203 году». Замѣчаніе Добровскаго.

того Святославомъ Олговичемъ. и посла ко святей Софии повелѣ и по всѣмъ церквамъ да творятъ стояние обнощь въ церквахъ».

«Себо грѣхъ ради нашихъ посла Богъ на насъ казнь сию. Сия же страшная вся во Киевѣ быша, а в Черпигове по вся г. дни солнцу. спяющу а в нощи видяху надъ тѣломъ его. г столпы огнены до небеси. егда же погрѣбено быть тѣло его и тогда бысь тишина повсюду: Того же лѣта. воеваша Половъцп около Посова. и Долта. Июля кг и взяша душъ болѣ. и сотъ. тогда же о Котелнице воеваша и Соломпицу взяша Мьстиславѣе княгини село».

Подождемъ изданій Археографической коммиссіи.

СОФІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ.

Изданъ Строевымъ. Лѣтописатель имѣлъ въ числѣ своихъ источниковъ Несторову лѣтопись съ Васильевымъ сказаніемъ, кои переписалъ почти безъ перемѣны, а для XII вѣка лѣтописи Кіевскую и Суздальскую, коими пользовался сокращенно и въ особенности Новгородскую. Изъ происшествій своего времени описалъ точно въ особенности Новгородскія. О Калкскомъ побоищѣ здѣсь подробнѣе другихъ. Впрочемъ имѣемъ много извѣстій лишнихъ или одинакихъ съ Никоновскимъ спискомъ, напр. объ Улебѣ, Ссолахъ, см. ниже.

ЛѢТОПИСЬ ПО НИКОНОВСКОМУ СПИСКУ.

Этотъ сборникъ осужденъ былъ слишкомъ строго и потому несправедливо Шлецеромъ, который имѣлъ въ виду въ своемъ Несторѣ только его начало, самую слабую его часть. Послѣдующіе изслѣдователи повторяли обвиненіе Шлецера. Но онъ принадлежитъ къ числу важныхъ источниковъ Русской исторіи, и достоенъ подробнаго критическаго разбора. Мы укажемъ здѣсь для примѣра только на нѣкоторыя его извѣстія, принадлежащія къ нашему періоду, въ коихъ нѣтъ никакой причины сомнѣваться, и кои не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ. Вспомнимъ, какъ доказалось извѣстіе о походѣ Улеба и желѣзныя ворота!

1055. «Клевета бысть на епископа Луку Жидяту, от своего холопа Дудика, в неподобныхъ речехъ. И изыде из Новагорода и іде х Кіеву, и осуди ево митрополитъ Ефрѣмъ, по Дудикиным рѣчемъ, и злыхъ ево друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ: и пребысть тамо три лѣта».

1057. «Епископъ Лука Жидята прнятъ престолъ свой в Новѣгороде свою власть. Холопу-же Дудѣке оскомины быша, урѣзаша ему носа, и обѣ руцѣ отсекоша, и побѣжаша в Нѣмцы: сице же и его лукавымъ совѣтникомъ Козмѣ и Домьяну достойное воздаша по злодеянию ихъ».

1059. «Ходи Изяславъ на Ссолы, и дань даяти заповѣда В′ гривенокъ. Они-же поручившися, и изгнаша данники. На весну-же пришедше повоеваша о Юрьеве, и грады и хоромы пожгоша, и много зла сотворше, и до Пскова доидоша воююще. И идоша противу имъ Псковичи и Новгородцы на сѣчю, и паде Руси А′, а Ссолъ безъ числа».

1068. «Иде Владыка Стефанъ въ Кіевъ, и тамо свои ему холопи удавиша его».

Соберемъ теперь всѣ наши заключенія:

Лѣтописи наши составлены изъ современныхъ оффиціальныхъ извѣстій.

Лѣтописатели отличаются правдивостію, безпристрастіемъ, благочестіемъ, любовію къ отечеству, нравоучительностію, имѣютъ въ извѣстномъ отношеніи образованность.

Несторъ писалъ до 1111 года.

Современникъ его Василій описалъ ослѣпленіе кн. Василька Теребовльскаго со всѣми обстоятельствами.

Сильвестръ игуменъ Михаиловскаго монастыря въ Кіевѣ переписалъ Несторову лѣтопись въ 1116 году.

(Василіево сказаніе вставилъ вѣроятно онъ; а можетъ быть самъ Несторъ, Василій или первый переписчикъ).

Этотъ списокъ сдѣлался родоначальникомъ тѣхъ, которые до насъ дошли.

Первый продолжатель Несторовъ, не Печерскій инокъ, писалъ вѣроятно до 1130 годовъ;

Второй, Кіевлянинъ, до 1170.

Третій, Кіевлянинъ, до 1200.

Несторова лѣтопись не сохранилась въ цѣлости. Нѣтъ слѣдовъ, чтобы у кого нибудь была она, начиная съ древнѣйшихъ переписчиковъ XIII вѣка.

Едва ли можетъ найтиться и впредь.

Списковъ съ Несторовой лѣтописи съ Васильевымъ сказаніемъ осталось три : Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Ипатьевскій.

Кіевская лѣтопись дошла до насъ болѣе или менѣе сокращенная, и безъ конца.

Дополняется она Суздальскою и Новгородскою, и въ особенности по Воскресенскому списку.

Списокъ ея имѣемъ одинъ Ипатьевскій, съ котораго списаны Хлѣбниковскій и Ермолаевскій.

Волынской лѣтописи дошелъ до насъ одинъ отрывокъ съ 1200 до 1280 г. безъ начала и конца, и одинъ его списокъ въ Ипатьевскомъ кодексѣ.

Суздальская лѣтопись дошла до насъ также болѣе или менѣе сокращенная.

Лѣтописателей было два : одинъ жилъ при Всеволодѣ и описалъ житіе Андрея и Всеволода, а другой пережилъ и Батыево нашествіе.

Списковъ два : Лаврентьевскій и Радзивиловскій.

Что бы привести дѣло въ ясность, совѣтую я молодымъ друзьямъ исторіи, которые любятъ науку для науки сравнить, по предложеннымъ указаніямъ « изъ года въ годъ » лѣтописи Кіевскую, Суздальскую, Новгородскую по Воскресенскому списку, Софійскій временникъ, Никоновскій сборникъ и Татищева[85].

Механическій пріемъ употреблять вотъ какой : переписать на особыхъ четверткахъ каждый годъ порознь изъ всѣхъ означенныхъ лѣтописей. Переписавъ, положите ихъ рядомъ, и вы увидите, что принадлежитъ всѣмъ, что одною заимствовано у другой, что гдѣ распространено, что сокращено и пр. Послѣ, въ печати, все это можно свести во едино, отличая разными шрифтами и курсивами принадлежность извѣстій.

---

[85] Однѣ лѣтописи идутъ противъ другихъ впередъ годомъ или двумя — это надо принять въ соображеніе.

Тогда откроется всего яснѣе, сохранилась ли гдѣ нибудь чистая Несторова лѣтопись, сколько есть списковъ Сильверстовскихъ, имѣемъ ли мы полную и цѣлую лѣтопись Кіевскую и Суздальскую, въ какомъ отношеніи находился къ нимъ первый Софійскій временникъ, или такъ называемая лѣтопись по Воскресенскому списку, какой списокъ ихъ оставшійся, или потерянный, находился у его редактора, какъ и когда составился Строевскій Софійскій временникъ, которому времени принадлежитъ составленіе Никоновскаго сборника, какія именно лѣтописи поступили въ число его матеріаловъ, что именно было у Татищева, Щербатова; тогда откроются живые слѣды лѣтописей потерянныхъ.